

МОЙ БЕДНЫЙ МАРАТ

Действующие лица

Марат.

Ли́ка.

Леонидик.

1-я часть: март 1942 года.

2-я часть: март 1946 года.

3-я часть: декабрь 1959 года.

Ленинград.

Часть первая

30 марта 1942 года.

Одна из немногих уцелевших квартир в полуразрушенном доме на Фонтанке. Комната почти пуста: вещи сожжены, только громоздкий, тяжелый буфет остался и большая, широкая тахта. На ней, укутанная чем попало. Ли́ка. Скоро вечер, в комнате весенние ленинградские сумерки. Тихонько отворилась дверь, на пороге показался Марат, с некоторым удивлением оглядел комнату, увидел Ли́ку, Молчание длилось недолго.

Ли́ка (обеспокоенно). Вы кто такой?

Марат. А ты кто такая? (Не сразу.) Нет, верно... Ты чего делаешь тут?

Ли́ка. Живу.

Марат. А кто тебя сюда пустил?

Ли́ка. Дворничиха, тетя Настя. В этой квартире никого умерших не было. А потом тут в окошке стекло целое - одно на весь этаж. Просто чудо. (Тихонько.) Вы меня прогнать хотите?

Марат ничего не ответил.

Не надо. Я уже здесь скоро месяц. Привыкла все-таки.

Марат (оглядел комнату). Тут вещи были... Мебель, ну и прочее... Где все?

Ли́ка. Я сожгла.

Марат. Все?

Ли́ка. Все.

Марат молча сел на подоконник.

Ли́ка. А вы кто?

Марат. Я жил здесь. Это наша квартира.

Ли́ка (не сразу). А где же вы были?

Марат. Был где был. (Помолчав.) Слушай, здесь, между окнами, фотография висела - военный моряк, в рамочке... Не видела?

Ли́ка. Сожгла.

Марат (зло). Смотри-ка... не растерялась. А много ли тепла на этом выгадала... Кусочек картона!..

Ли́ка. Я ведь не одну ее сожгла - тут много фотографий висело... (Словно оправдываясь.) Все вместе - кое-что все-таки. А рамочки знаете как отлично горят? Очень хорошая растопочка.

Марат. Буфет-то как измерзавила.

Ли́ка. Зачем? Он цельненький стоит. Я только лучинки от него откалывала.

Марат. Ты деловая. (Негромко.) Спалила, значит, мое детство?

Ли́ка (почему-то повеселела). Вот теперь я вас узнала... по фотографиям. Это вы - мальчик на лодке... и на велосипеде!.. И на Стрелке, с моряком... Я ведь не сразу все сожгла... Я их рассматривала сначала.

Марат. Ну и как - хорошо я горел?

Ли́ка. Зачем вы шутите?

Марат (серьезно). Могу заплакать. Хочешь?

Ли́ка (негромко). Вы меня простите.

Марат (обернулся). А ты что валяешься? Сдалась?

Ли́ка. Нет, я только с улицы... Просто согреться захотелось.

Ма́рат (усмехнулся). Согреешься так... (Серьезно.) Буфет-то почему не сожгла?

Ли́ка. Не осилила. Очень уж громадный.

Ма́рат (огляделся). Ты... одна здесь?

Ли́ка. Совсем.

Ма́рат. И не страшно?

Ли́ка. Конечно, страшно, что же я, дура? Когда стреляют - не так: все-таки жизнь какая-то... А вот когда вдруг тишина... тогда страшно. (Недоуменно.) А чего я боюсь - сама не знаю... С улицы никто ведь не зайдет: наш дом, считают, разрушенный. И лестница еле держится, посторонние очень опасаются... А на самом деле она крепкая - у нее только вид такой. На нашей лестничной клетке всего ведь в двух квартирах жильцы остались. Из одной, правда, уже не выходят - я им хлеб из лавки приношу, прибираю... Они мне за это мебель на дрова обещали - если им уже не понадобится... (Замолчала.) Нет. Страшно.

Ма́рат. А в квартире шесть? Никого?

Ли́ка. Пусто. (Не сразу.) Знакомые ваши?

Ма́рат. Была там одна... Леля. Осенью в Тбилиси собиралась.

Ли́ка. Уехала, наверно.

Ма́рат. А ты где жила?

Ли́ка. В шестом подъезде...

Ма́рат. Чего-то я тебя не помню.

Ли́ка. А я до войны маленькая была.

Ма́рат. В шестом... Да, не повезло вам.

Л и к а. И стен не осталось.

Ма́рат (помолчал). В квартире был кто-нибудь?

Ли́ка. Няня. У меня мама на фронте, военврач. Мы с няней остались. Она у нас уже двенадцать лет, как родная была... Я на Садовую хлеб получить

пошла - тут и ударило. Прибежала обратно, а уж и нет ничего - только ваш подъезд стоит. Это первого марта было. Послезавтра месяц исполнится.

Марат. А ты сама как... не очень ослабела?

Ли́ка. Я, в общем, чувствую себя сносно. Мне ведь за зиму три посылки летчики приносили от мамы. (Не сразу.) А теперь больше не будет посылок. Меня уж не найти.

Марат. Захотят - найдут. Ты, видно, удачливая.

Ли́ка. Какой вы недобрый.

Марат. А ты чего мне вы говоришь... Смешно слушать! (Резко.) Тебе сколько лет?

Ли́ка. Через две недели, может быть, шестнадцать исполнится.

Марат. Почему - может быть?

Ли́ка. Все может быть.

Марат. Иди ты... со своим пессимизмом! Мне на будущий год восемнадцать исполниться должно... И то не психую. Уверен - будет.

Ли́ка. Я еще когда совсем маленькая была - мечтала, как мне исполнится шестнадцать... представляла, что тогда со мной случится. Помните - дети до шестнадцати лет на эту картину не допускаются? Так бывало всегда обидно!.. Хотя я, конечно, проскакивала, мне ведь на вид можно куда больше дать. (Помолчала.) Обидно было бы... не дожить.

Марат. Теперь доживешь.

Ли́ка. Пожалуй. Я ведь сейчас на две карточки существовала. Целый месяц! Няню еще первого числа убило.

Марат. Тебе потрафило.

Ли́ка (не сразу). Зачем вы так шутите?

Марат. А я веселый. Только не такой удачливый, как ты. (Вынул из кармана две хлебные карточки, поглядел на них.) Мне только один день достался. Тридцать первое. Завтра.

Ли́ка. Не надо... Ты не плачь.

Марат. А я и не плачу. Я уж ко всему привык.

Ли́ка (поглядела на карточку). Мамина?

Ма́рат. Сестры. (Негромко.) Видишь пуговицу на куртке? Она мне ее утром пришила. Еще сегодня.

Ли́ка. Ты жил у нее?

Ма́рат. На Каменном острове. Как война началась - я к ней и переехал. И дом-то маленький, деревянный - всего два этажа... Очень надо было бомбить его. (Не сразу.) В августе у нее муж в ополчение ушел, она, дурашка, одна осталась... Я ей говорил: вернемся, ведь дом родной... А она не хочет -у нас, говорит, на Каменном лучше... и потом, вдруг действительно Коленька вернется, нет, я дома быть должна! (Помолчал.) А послушалась бы меня, здесь сейчас сидела. (Тихо.) Живая.

Ли́ка. Разве это угадаешь. (Посмотрела на Марата внимательно.) А родители где?

Ма́рат. Отец в морской пехоте был. Пятый месяц не пишет. (Не сразу.) И не осталось ничего... Ни одной фотографии.

Мне бы снять ее тогда со стены... (Поглядел на Лику.)

Ли́ка (тихо). Я. не знала.

(Где-то вблизи разорвался снаряд.)

Недалеко.

Ма́рат. Ага.

Ли́ка. Мне уходить?

Ма́рат. А куда же ты пойдешь?

Ли́ка (осторожно). Тебе ведь тоже некуда.

Ма́рат. Мне тоже.

Ли́ка. Тут в углу кушеточка маленькая стояла...

Ма́рат. Сейчас бы пригодилась...

Ли́ка. Кто же знал...

Ма́рат (не сразу). Тебя как зовут?

Ли́ка. Лидия Васильевна... Ли́ка. А тебя?

Ма́рат. Ма́рат Евстигнеев. А ласкательное было - Мари́к.

Ли́ка. Если бы матрасик имелся...

Ма́рат. Ладно - тахта широкая.

Ли́ка. Что ты...

Ма́рат. Поместимся. Ты к стенке головой, а я к двери.

Ли́ка (помолчала). Нельзя.

Ма́рат. Почему?

Ли́ка. Все-таки.

Ма́рат. Девчонка ты.

Ли́ка (с сомнением). Ну уж... (Подумав) А если ее распилить- тахту?

Ма́рат. Там же пружины... дурочка.

Ли́ка. Все-таки завтра попробуем...

Ма́рат. По квартирам походить надо, может, где что осталось.

Ли́ка. Тут уж ходили.

Ма́рат (сел на краешек тахты). Проживем.

Ли́ка (тихо). Хорошо, две подушки остались. (Протянула ему одну из подушек.) Только ты подальше.

Ма́рат (пренебрежительно). Да ладно...*Устроились на тахте. Молчание.*

Ты что... смеешься?

Ли́ка (с радостным удивлением). А ты дышишь.

Ма́рат. Ясно, дышу.

Ли́ка (еле слышно). Вот и кончилась тишина...

Ма́рат. Ладно бормотать-то...

4 апреля

А в комнате появился старый матрасик - на нем устроился Марат. В углу аккуратно сложенная стопка дров - все, что осталось от буфета. Шестой час утра. Далекая стрельба.

Ли́ка (она только что проснулась). Марик!.. Марик!..

Ма́рат (просыпаясь). А?.. Что тебе?

Ли́ка. Воздушная тревога, Марат...

Ма́рат. Идиотство... Который час?

Ли́ка. Шестой...

Ма́рат (вдруг рассердился). Зачем же ты меня разбудила?

Ли́ка. Ты всего пять дней здесь. Я же не знаю, как ты к тревоге относишься?

Ма́рат. Как, как... С отвращением.

Ли́ка (помолчала). Ну, что делать будем?

Ма́рат. Давай на крышу полезем...

Ли́ка. А у нас давно никто не дежурит.

Ма́рат. Почему?

Ли́ка. А мы уже разрушены. Нежилой объект. Так и считаемся.

Ма́рат. Чего же ты меня разбудила... если мы разрушены?

Недалеко упала фугаска.

Ли́ка. Ого!..

Ма́рат. Ступай в подвал - вот что.

Ли́ка. Я не хожу теперь... тепло упустишь...

Ма́рат. Все-таки совершенно неясно, зачем ты меня разбудила.

Ли́ка. Ну хорошо... давай опять заснем.

Ма́рат. Теперь уж не выйдет. (Вздыхнул.) А мне такой сон показывали...

Ли́ка. Какой?

Марат. Крендель белый, с изюмом... А потом музыка началась, и я с одной знакомой девчонкой целовался.

Ли́ка. Непонятно, зачем ты мне это рассказываешь.

Где-то близко разорвалась фугаска.

Марат. Ладно, пошли в подвал.

Ли́ка. Соглашается... Смотрите какой благородный. А может, ты просто трус?

Марат. Ну, знаешь... Я шесть месяцев на крыше провел и знаешь сколько зажигалок с крыши сбросил?

Ли́ка. Не знаю... Она что - из твоего класса?

Марат. Кто?

Ли́ка. Девчонка, с которой ты целовался?

Марат. Тебе-то что?

Ли́ка. Из квартиры шесть? Леля?

Марат. Хотя бы.

Ли́ка. Представляю себе... Тоже, наверное, не теряется в Тбилиси.

Марат. Слушай... к черту. И стреляют все-таки.

Ли́ка. Квартир свободных достаточно. Перебирайся завтра, и все.

Марат. Я отсюда не уйду.

Ли́ка. Почему?

Марат. Пропадешь ты без меня.

Ли́ка. До сих пор не пропала - и дальше не пропаду.

Марат. Скажи - тьфу, тьфу...

Ли́ка. Не скажу - тьфу, тьфу! Я везучая.

Марат (яростно). Тебя что выручало? Машины посылочки Няня... ее лишняя карточка! Так этого больше не будет!.. Разве я погорю где-нибудь, и ты кое-что на моей карточке выиграешь... Но на это ты рассчитывай не сильно,

потому что я тоже везучий... тьфу, тьфу... Если хочешь знать, ты жила неверно! Отъединилась от всех... Как звереныш. Устроила тут логово...

Ли́ка (возмутилась). Пстой, какое логово?..

Ма́рат. Конечно! Ушла в себя и отъединилась. Совершенно! Разве это достойно советского ребенка?..

На этот раз фугаска разорвалась еще ближе.

Ли́ка. Да что же это такое, господи... (Заплакала.)

Ма́рат (слез с матраса, подошел к окну). Наверно, у моста упала... Ну что ты ревешь?

Ли́ка. Дурак ты! Какой же я ребенок?

Ма́рат. Ну, девица... подумаешь, разница! Все равно ты живешь глубоко неверно - совершенно отъединилась от общей борьбы народа. Именно одиночество приводит к дистрофии...

Ли́ка. Это ты, умница, сам придумал?

Ма́рат (запальчиво). Да если знать хочешь, я питался вдвое меньше тебя, однако самочувствие имею почти удовлетворительное!.. И это потому, что делал все, что полагается рядовому ленинградцу. И, может, даже чуть больше.

Ли́ка. Ты просто хвастун.

Ма́рат. Нет, я не хвастун.

Ли́ка (вытерла слезы). Значит, врун.

Ма́рат. Это другое дело.

Ли́ка. За эти пять дней ты мне врал неоднократно. Скажешь, нет?

Ма́рат. Конечно, не скажу.

Ли́ка (вдруг с интересом). А почему ты врун?

Ма́рат. Так веселее. (Резко.) И вот что - хватит отъединяться. Сегодня я отведу тебя в бытовой отряд, и ты начнешь приносить пользу. Ты же вполне здоровая, просто стыдно на тебя смотреть... Ты должна помогать ослабевшим людям.

Ли́ка. Я и так помогала...

Ма́рат. Соседям? Недостаточно. Мелочь! Надо приносить людям пользу целый день. Без усталости, поняла?

Ли́ка. Хорошо.

Ма́рат. Что хорошо?

Ли́ка. Я согласна.

Ма́рат. А то сидишь целый день и Тургенева читаешь. Разве это дело - всю библиотеку сожгла, а Тургенева оставила.

Ли́ка. А если он мне нравится?

Ма́рат. Да ну, певец дворянских гнезд!.. Разве он мобилизует?

Ли́ка. Меня он мобилизует.

Ма́рат. Отлично! Вот мы сегодня и пойдем в отряд, и ты запишешься.

Ли́ка. Я же сказала - хорошо. (Не сразу.) А сейчас что мы делать будем?

Ма́рат (зло). Неизвестно.

Ли́ка (осторожно). Марик...

Ма́рат. Ну?

Ли́ка. Давай печурку затопим.

Ма́рат. Нельзя. Буфет надо беречь.

Ли́ка. Его еще много осталось.

Ма́рат. Не очень.

Ли́ка. И, может, от соседей мебель достанется.

Ма́рат (вспыхнул). И тебе не стыдно? Ждешь смерти людей, чтобы завладеть их мебелью?

Ли́ка. Это ужасно... ужасно... (Заплакала.)

Ма́рат (подошел к ней, сел на тахту). Слушай, хватит... Так нельзя. Ты слишком много плачешь.

Ли́ка. Одна я никогда не плакала...

Ма́рат. Опять я виноват?

Ли́ка. Нет... Но ты не должен думать - я вовсе не хочу их смерти, ни за что не хочу... Я просто подумала, что если они... Нет-нет, верно, это ужасно... (Тихо всхлипнула.)

Ма́рат. Глупенькая ты... Просто глупенькая. (Осторожно начал гладить ее волосы.)

Ли́ка (испугалась). Ты что?

Ма́рат. Ничего... Это я тебя успокаиваю.

Ли́ка. А-а...

Ма́рат. Нельзя?

Ли́ка (не сразу). Можно.

Ма́рат. Ты не плачь - и соседи будут живы, и еще дров достанем.

Ли́ка. Ей-богу?

Ма́рат. Конечно.

Ли́ка. Тогда давай затопим сейчас... (Зашептала ласково и просительно.) Затопим... Весна ведь скоро...

Ма́рат снова погладил ее волосы.

Затопим... Слышишь (улыбнулась), Ма́рат Евстигнеев? (Вдруг встревожилась.) Нет... Ты меня больше не успокаивай.

Ма́рат. Не буду. (Отдернул руку, отодвинулся от нее.)

Где-то далеко разрыв фугаски.

Ли́ка. Это за вокзалами. (Молчание.) Мари́к... Ты что смотришь так?

Ма́рат (небрежно). Да ладно...

14 апреля

Дело к вечеру. Ли́ка стояла у стола - перед ней лежали высыпанные из деревянного ящичка продукты. Вошел Ма́рат.

Ли́ка (бросилась к нему). Марик!..

Ма́рат. Стоп! Сначала раздача подарков... (Протянул ей бумажную красную розу.) И плевать вам теперь на всех контролеров кино с самого высокого дерева!

Ли́ка. Где ты достал ее, Маратик?

Ма́рат. Выменял у одного типа. Замечательная вещь - сразу про кулич вспоминаешь. И еще вот - кусочек сахару.

Ли́ка. Спасибо... А теперь закрой глаза. Идем. (Подводит его к столу.) Теперь открой. Торжествуй, ну!..

Ма́рат (тихо). Посылка...

Ли́ка. Ты что... не рад?

Ма́рат. Померк мой сахар.

Ли́ка. Никогда! Хочешь, я его съем - сейчас же, сию минуту? (Положила сахар в рот.) Какое блаженство! О этот Марат Евстигнеев! Дадим и ему кусочек. Откусим. Так и быть.

Ма́рат. Как он нашел тебя?..

Ли́ка. Оказался хитрецом-мудрецом... Ты только погляди... Сгущенное молоко, тушенка... даже варенье! И письмо. Мама здорова, получила медаль...

Ма́рат. Ты счастливая.

Ли́ка. Маратик, и у тебя будет так же... Увидишь. И не грусти. Я все-таки добилась своего - мне шестнадцать! Давай устроим немедленный пир.

Ма́рат. Но это она прислала тебе.

Ли́ка (серьезно). Ты негодяй, Марат.

Ма́рат (тихо). Давай устроим пир.

Ли́ка (негромко). То-то...

Ма́рат (глядя на нее). В некотором царстве, в некотором государстве жил старик со своей старухой...

Ли́ка. О чем ты?

Марат. Тебе это не понять.

Ли́ка. Я такая дура?

Марат. Нет, ты не дура. (Не улыбаясь, медленно.) Я бы тебе сказал, кто ты. Но я не скажу.

Ли́ка. Ну и черт с тобой. Чайник закипает... Открывай консервы.

Недалеко разорвался артиллерийский снаряд.

Началось.

Марат. Артиллерийский салют - в твою честь.

Ли́ка (помолчала). Эта шутка глупая.

Марат. А я сегодня дурак. Бедный дурак. Я бы сказал почему. Но я не скажу.

Ли́ка. Вот и хорошо. Ты открыл банку?

Марат. Почти. Мы съедим полбанки. Не больше. Поняла?

Ли́ка. Слушаюсь.

Марат. Что было в отряде?

Ли́ка. Обследовали дом семнадцать... Все квартиры обошли. (Чуть удивленно.) Знаешь, я уже совсем не боюсь мертвых. Привыкла. Это хорошо?

Марат. Наверно.

Ли́ка. Ты умный.

Марат. Очень.

Ли́ка. А что ты делал сегодня, очень умный?

Марат. Работал на водопроводе. Если мы дадим воду городу, станет легче... весна ведь... Еще две недели и Первое мая. (Задумался.) Ты помнишь... Первое мая?

Ли́ка. Еще бы. Мы однажды с мамой на трибуне были.

Марат (упрямо), и все это будет снова. Будет, будет!

Ли́ка. Нет, так уж не будет.

Ма́рат. А как же будет?

Ли́ка. Не знаю. По-другому.

Ма́рат. Лучше?

Ли́ка. Может быть. Но иначе, понимаешь?

Ма́рат. А я не хочу иначе. Хочу, чтобы все было так же.

Ли́ка. Бедный Ма́рат.

Ма́рат. Пусть. Увидим.

Молчание.

Ли́ка. С ума сойти, как она пахнет. Чувствуешь?

Ма́рат. Еще бы. (Вдохнул ноздрями запах.)

Ли́ка. Милая тушенка...

Ма́рат (у печки). А какая она красивая... на сковороде.

Ли́ка. Давай съедим ее скорее.

Ма́рат (подставляя тарелку). Раскладывай поровну... Нет, нечестно!

Ли́ка. Зато мне достанется сковородка. Отломи корочку.

Ма́рат. Господи, живут же люди...

Они молча ели.

Ли́ка (отодвинула тарелку). Это было великолепно.

Ма́рат (облизываясь). Но кончилось.

Ли́ка. А теперь - сгущенное молоко. Давай посуду.

Ма́рат. По одной ложке на стакан.

Ли́ка. Сегодня - по две!

Ма́рат. Ладно - по полторы.

Ли́ка. И печенье.

Ма́рат. По две штуки.

Ли́ка. Сегодня по три!

Ма́рат. Кто каптенармус? Я каптенармус.

Ли́ка. Без тебя я бы пропала. Слышали.

Ма́рат. Внимание - сейчас я скажу речь. То есть тост.

Ли́ка. То есть тост - это смешно... (Захохотала.)

Ма́рат. Уймись. (Встал, поднял стакан с молоком.) Я поздравляю тебя Ли́ка. Год назад мне тоже было шестнадцать. Словом, я имею об этом представление. Будь счастлива, Ли́ка. Ли́ка... (Задумчиво.) А что это такое - Ли́ка? Я бы тебе сказал. Но я не скажу.

Ли́ка. Браво, какой оратор!

Ма́рат. Пусть сдохнет Гитлер. Но пасаран. Да здоровствует Ли́ка!

Чокнулись стаканами.

А сейчас я поцелую тебе руку. Ты стала взрослой - так полагается. (Поцеловал ей руку.) Ты удовлетворена?

Ли́ка. Сам Евстигнеев поцеловал мне руку. Незабываемо.

Ма́рат. А ты... целовалась когда-нибудь?

Ли́ка (не сразу). Я люблю маму и никогда, никогда бы ее не огорчила.

Ма́рат. У тебя, может, и по поведению пятерки были?

Ли́ка. Представь себе. А у тебя?

Ма́рат. Выше тройки не поднимался.

Ли́ка. Оно и видно.

Ма́рат. Значит, ни с кем не целовалась?

Ли́ка. Ну, целовалась... один раз.

Ма́рат (как-то опешил). А зачем?

Ли́ка. Пришлось. (Помолчала.) Ошибка молодости.

Ма́рат (погрустнел). Понятно.

Ли́ка. Мама пишет, что мне надо эвакуироваться в Москву. Теперь, когда она узнает, что квартиры нашей нет и няня умерла... она наверняка что-нибудь придумает.

Ма́рат (помолчал). Ну что ж, поезжай...

Ли́ка. А ты... хочешь, чтобы я уехала?

Молчание.

Ма́рат (писклявым голосом). О, не оставляй меня одного, Лидия Васильевна. Не уходи, пожалей наших маленьких детей...

Ли́ка. Ты дурак...

Ма́рат. Конечно. Ты даже не знаешь, какой я дурак. (Серьезно.) Я бы тебе сказал, но я не скажу.

Ли́ка. Стемнело. Открой дверцу у печурки.

Ма́рат. Тепло уйдет.

Ли́ка. Я хочу. Сегодня мой день.

Ма́рат приоткрыл дверцу печурки, комната озарилась дрожащим золотистым светом.

(Негромко.) Потанцуем?

Ма́рат. Музыка нет.

Ли́ка. И не надо. Мы сами.. Медленный вальс - вот этот...

(Запела тихонько.) Знаешь?

Ма́рат. Да.

Напевая вальс, они медленно закружились по комнате. Очень далекая стрельба.

Ли́ка. Марик...*Они остановились.* Это ужасно, столько горя вокруг - а мы...

Ма́рат (тихо). Мы не виноваты.

Снова закружились медленно по комнате. Затем голоса их замолкли. Они остановились и долго молчат, обнявшись.

Ли́ка (задыхаясь от волнения). Марик... Марик... *И Марат поцеловал ее. Боже мой... Что же теперь будет?*

Ма́рат (тихо) Я бы тебе сказал... (Шепотом.) Но я не скажу

Ли́ка (улыбнулась, счастливая). Милый... бедный Марат.

Открылась дверь и в комнату, пошатываясь вошел Леонидик. Ничего не видя он сделал шаг к огню и тяжело полввалился на пол. Ли́ка и Ма́рат молча бросились к нему.

Леониди́к (бессвязно). Растопочка... Хорошая растопочка...

21 апреля

Прошла неделя. В комнате появился самодельный топчан, на нем они и устроили Леонидика. Еще один день апреля шел к концу - за окном закат.

Ли́ка (на пороге). Он спит?

Ма́рат (он сидел возле Леонидика). Ага. Чего ты так поздно?

Ли́ка. В отряде задержали. Ты покормил его?

Ма́рат. Сразу, как вернулся, подогрел кашу. Он какой-то смурной - страшно боится больницы. А почему - неизвестно. Какой-то он чудак.

Ли́ка. Чудак?

Ма́рат. Ну да, любопытный тип. Обидно, правда, что он съел всю твою посылку, но, с другой стороны, он выздоравливает.

Ли́ка. Я ведь сначала была убеждена, что у него воспаление легких. Теперь ясно, что это была простуда - воспаления он бы не вынес.

Ма́рат. Да, его было здорово жалко. Я ведь посмотрелся, как люди умирают. А этот был какой-то симпатичный.

Ли́ка. Все дело в том, что он ни на кого не похож. Все люди на кого-нибудь похожи. А этот ни на кого.

Ма́рат. А я на кого похож?

Ли́ка (подумала). Ты похож на всех сразу.

Марат. Ай да я.

Ли́ка. Нет, все-таки я не зря докторская дочка - за неделю вылечила его. Ты, правда, мне замечательно помогал.

Марат. А я вообще замечательная личность. Похож на всех сразу. Не так-то просто.

Ли́ка. А интересно, почему его так смешно зовут - Леонидик.

Леонидик (открыл глаза). Он и сам иногда думает - почему?

Ли́ка. Ты не спал?

Леонидик. Действительно забавно - Леонидик. (Усмехнулся.) Мамы способны на все. (Помолчал.) Твоя мать жива, Марат?

Марат. Нет. (Улыбнулся.) А я и не видел ее никогда.

Ли́ка. Просто ужасно, как ты говоришь.

Леонидик. Почему? Марат мужчина и любит отца.

Ли́ка. Вы какие-то сумасшедшие оба.

Леонидик. Мы не сумасшедшие. Мы просто всего нагляделись. Всего.

Марат. Слушай... ты успокойся. Тебе еще вредно приходить в отчаяние.

Леонидик. Леонидик... бесспорно смешно. (Не сразу.) Вы помолчите немножко, я кое-что вам расскажу. К тому же он съел вашу посылку, как сказал опечаленный Марат, и теперь вы самые близкие ему люди. А эту историю мне надо кому-то рассказать... с ней бывает невесело одному. (Помолчал.) Я очень любил свою мать. Неимоверно. Отец был занятой человек, вечно пропадал на работе, и все его постоянно хвалили. Кажется, один я не знал, чем же он все-таки хорош. Правда, каждое воскресенье от двух до четырех он старательно беседовал со мной, только... в его представлении мне всегда было года на три меньше... (Задумался.) Он умер пять лет назад, в день моего рождения - мне в тот день исполнилось двенадцать. На кладбище собралось много народу, и все называли его замечательным человеком. Может быть. Не спорю. Но он умер, а в моей жизни ничего не изменилось... Только обеды стали победнее. (Улыбнулся вдруг.) А мама была для меня всем - веселая, смешная, добрая. Мы всюду ходили с ней вместе, как обезьянки-неразлучники. А потом появился человек... один человек... И она просто забыла меня - понимаете? Ну зачем?.. Не такой уж он был молодой, совсем некрасивый, все время пел ей песни

тихонечко... И по вечерам я слышал, как они танцевали в соседней комнате... вдвоем! Когда началась война, его в армию не взяли... Куда там - он такой близорукий: кота от собаки не мог отличить. Хорошо хоть, он не очень был нудный - все-таки не слишком паниковал во время бомбежек. Начался голод... Я видел, как они становились все слабее и слабее, к Новому году совсем отощали. (Резко.) Слушайте, что я вам скажу: мне было их жалко, и все-таки я не мог им забыть... (Торопливо.) Как-то раз, когда дело стало совсем уже плохо, я увидел, что она подсунула ему часть своего хлеба. Он ничего не заметил и съел его. С каждым днем она слабела все больше. Но он ведь был близорук и не замечал разницы в порциях. Но я-то видел!.. Даже когда она умирала, она смотрела в его сторону... Хотя последние слова сказала все-таки мне: Ты следи за ним, Леонидик... (Помолчал.) Раньше он не очень-то обращал на меня внимание, а теперь все вдруг изменилось; он стал рассказывать мне разные истории из своей жизни и о том, как ему невесело жилось, пока он ее не встретил. Он даже иногда пел мне тихонько те самые песни, которые пел ей, и рассказывал, что в молодости был душой самодеятельности и его чем-то премировали. Однажды он долго глядел на меня и вдруг сказал: Ты удивительно похож на нее, Леонидик. Вот с того дня он и начал подсовывать мне свой хлеб, я, конечно, не брал, но он никак не хотел успокоиться и здорово радовался, когда ему удавалось провести меня. Я понимаю, я обязан был все простить им... Я был должен полюбить этого человека, но я не мог!.. И только перед самой смертью он вдруг понял все и попросил прощения... И когда он умер, я заплакал, хотя так и не забыл ему... не мог. Не могу.

Он долго молчал, и они смотрели на него.

Видите, как я узнал, что такое любовь.

Ли́ка (негромко). Но ведь это действительно была любовь. Прекрасная любовь.

Леонидик. И только я один никогда этого не пойму.

Марат. Странный ты парень. Зачем ты все это рассказал?

Леонидик. Не знаю. Иногда ему бывает страшно. А теперь эту историю знаете и вы. (Улыбнулся.) Может быть, ему легче будет?

Ли́ка (задумчиво). Человек всегда должен всем жертвовать для другого.

Марат. Ну, это не факт.

Леонидик (Ли́ке). Почему ты молчишь?

Ли́ка (негромко). Не могу забыть твой рассказ.

Марат. Кукареку.

Ли́ка (словно очнувшись). Что?

Марат. Проехали.

Молчание.

Ли́ка. Кем бы ты хотел быть, Леонидик?

Леонидик (улыбнулся). Сочинителем стихов.

Ли́ка. Поэтом?

Леонидик. Ну... это слишком шикарно звучит.

Ли́ка. А ты, Марик?

Марат. Укротителем львов.

Ли́ка (удивленно). Ты шутишь?..

Марат. Поглядите-ка сюда... (Поставил на пол два полена и положил на них дощечку.) Строить мосты! (Вспыхнув.) Соединять берега, понимаете? Разве не интересно, Ли́ка?

Ли́ка. Может быть... (Леонидику.) Мама всегда хотела, чтобы я стала врачом... И я с детства решила- буду! Но не просто врачом - вот он приходит в белом халате и в галошах и всем ставит градусники - нет! Врачом-исследователем... Первооткрывателем, понимаешь?

Леонидик. Конечно.

Марат (писклявым голосом). Маму надо слушаться. Только плохие девочки не слушаются маму.

Леонидик. Вот что - помолчи, пожалуйста.

Марат (прогнусавил). Мама, я хочу на горшочек...

Ли́ка (подошла к Марату). Захотел получить пощечину?

Марат (неожиданно покорно). Пора спать. (Лег на свой диванчик.) Разговаривайте потише. Мне завтра на работу рано.

Леонидик (задумчиво). Все-таки труднее всего понять самого себя.

Ли́ка (с интересом). Ты думаешь?

Далекий артиллерийский зал,

29 апреля

Гускый, ветреный весенний день. В комнату с улицы вошли Ли́ка и Леонидик.

Леонидик. Устала?

Ли́ка. Ужасно. (Оглядела комнату.) Марат не приходил?

Леонидик. Вернется. Ты сводку сегодня слушала? По-моему,

на юге мы готовим... нечто.

Ли́ка. Если бы и у нас!.. Прорыв блокады - знаешь, сколько раз я его во сне видела?..

Леонидик (очень ласково). Отдохни... У тебя была нелегкая работа сегодня.

Ли́ка. Невеселая - так будет вернее. (Легла на тахту.) Мне только одно страшно - мы ко всему привыкли... привыкли.

Леонидик. Что ж... Это поможет нам.

Ли́ка. Где?

Леонидик. На войне.

Ли́ка (вдруг удивилась). Ты уйдешь на фронт?

Леонидик. Осенью нас, наверно, призовут - мы ведь с Маратом одного года.

Ли́ка (усмехнулась). А вдруг ее никогда не будет... осени?

Леонидик (задумчиво). Ее можно и не дожидаться.

Ли́ка (поглядела на него). Что ты задумал?

Леонидик. Пустяки. Пользуюсь своим бедственным положением и ни о чем не думаю. Он ведь всего второй день на воздухе. Сидел на уцелевшей скамеечке и смотрел, как вы убирали двор, выносили мертвых. (Помолчал.) Мы возьмем мебель из соседней квартиры?

Ли́ка. Я не хочу. Обойдемся. (Вдруг вскрикнула.) Где Марат?

Леонидик. Вечером обстреливали центр - он мог заночевать у кого-нибудь.

Ли́ка (взволнованно). У кого?

Леонидик. Он же не один ремонтирует водопровод у него друзья там... Помнишь, он рассказывал: какой-то легендарный Юра Шейкин и совершенно необыкновенная Света Карцева.

Ли́ка. Света... Светлана. Назвать девушку, как завод!

Леонидик (улыбнулся). Ты что шумишь?

Ли́ка (вскочила с тахты). Остался, видите ли, ночевать... Воображаю! Ты просто не знаешь этого Евстигнеева!.. К тому же врун... Врет, врёт! - каждую минуту... Как-то приносит триста грамм пшена. Я спрашиваю - откуда? Он говорит: девочка в прорубь упала, я ее спас, родители отблагодарили. А потом выясняется - никакой он девочки не спасал, а просто выменял крупу на свою меховую шапку... И это не все, ты еще ужаснешься, Леонидик!..

Леонидик. Хорошо, ужаснусь. Но не сейчас. Как-нибудь попозже, ладно?

Ли́ка (рассердилась). Тебе что, неинтересно про Марата?

Леонидик. Интересно, но не всегда.

Ли́ка (неодобрительно). Ты какой-то замкнутый... (с некоторым интересом.) Слушай, а ты действительно пишешь стихи?

Леонидик (улыбнулся). Делаю попытки.

Ли́ка. Прочти.

Леонидик. Они плохие. Ни к черту не годятся.

Ли́ка (с сомнением). Ты просто красуешься.

Леонидик. Нет.

Ли́ка (удивилась). Зачем же ты их пишешь?

Леонидик. Надежда не оставляет ≈ а вдруг напишу хорошие.

Ли́ка (фыркнула). Ты смешной.

Леонидик. Можно умереть с хохоту.

Ли́ка. А чем щеку так измазал? Дай-ка вытру... вот наслюнявлю платок и... (Засмеялась.) Так всегда с малышами...

В комнату вошел Марат.

А глаза-то у тебя какие синие, вот это синие так синие!

Ма́рат (писклявым голоском). Синие-пресиние.

Ли́ка. Маратик!

Ма́рат. Никто иной.

Леони́дик (весело). Я же говорил - вернется.

Ли́ка. А что у тебя с рукой? (Вскрикнула.) Ты ранен?

Ма́рат (небрежно). Было дело.

Ли́ка. Какое?

Ма́рат. Ладно, замнем.

Леони́дик. Мог бы и не так грубо... Ли́ка о тебе весь день беспокоилась.

Ма́рат. Делает честь. Отзывчивая девушка. Салям алейкум.

Ли́ка. Ты что болтаешь?

Ма́рат. Я-то не болтаю... (Обернулся к ним, резко.) Немецкого парашютиста в плен взял.

Леони́дик. Ты?

Ма́рат. Нас вчера вместо водопровода в район Кировского завода отправили, на оборонительные укрепления... Там прохудилось кой-чего. Ну, к вечеру мы все чин чинком подняли на должную высоту, а тут обстрел начался... Мы в укрытиях и заночевали. Ночью проснулся, дай, думаю, погляжу, чем кто дышит. Вышел - темнотища, дождик накрапывает... И вдруг вижу, неясно так - человек ползет к разрушенному дому. Я за ним - стой, гад!.. Он сопротивляться: ножом по руке полоснул. Не помогло. Обезоружил и после короткой борьбы сдал подоспевшим бойцам.

Ли́ка (погладила его забинтованную руку). Ты... настоящий человек, Марат.

Леони́дик. Молодец. Тут уж ничего не скажешь. Завидую... Евстигнейкин. (Внимательно поглядел на них и медленно вышел из комнаты.)

Ли́ка (тихонько). Я так за тебя волновалась.

Ма́рат (вдруг с нежностью). Правда?

Ли́ка. Ты совсем другой стал, Ма́рат, не такой, как прежде... Ты куда-то от меня уходишь. Не уходи... Вспомни, как нам хорошо было.

Ма́рат. А я все время помню. (Долгое молчание.) Это не я, это ты уходишь... Мне даже иногда кажется - ты совсем ушла.

Ли́ка (тихо). Нет... (Очень нежно.) Я здесь, Мари́к. (Поглядела на него.) Что ты?..

Ма́рат (яростно). Ой, ненавижу себя... Жалкий человек.

Ли́ка (недоумевая). Почему?

Ма́рат. Ладно... к черту! (Прошелся по комнате.) А теперь слушай: с отрядом надо распрощаться; ты способна на большее. Я говорил о тебе в госпитале; пойдешь туда работать сиделкой...

Ли́ка. Тебе когда перевязку делали?

Ма́рат. На рассвете.

Ли́ка. Я сделаю новую.

Ма́рат. Ни к чему. Учти - в госпитале работа такая, что наплачешься. Но надо. Надо, поняла?

Ли́ка. Я все-таки перевяжу тебе руку. У меня индивидуальный пакет есть... нам в отряде дали.

Ма́рат. Не хочу - ясно? Поработаешь месяц-другой сиделкой - сдашь на медсестру. И людям добро, и ты не в убытке. Согласна?

Ли́ка. Да... Рану промывать надо. Обязательно, Мари́к... (Берет его руку.)

Ма́рат. Не смей, тебе говорят!..

Ли́ка. Но я умею. Нас в отряде всему научили. Я просто красиво тебе все сделаю, увидишь.

Ма́рат (вдруг как-то сник). Ладно...

Вернулся Леонидик, остановился в дверях.

Ли́ка. А теперь не шевелись. Тихонько сиди. (Осторожно стала разбинтовывать повязку.) А немец был сильный?

Мара́т. Да.

Ли́ка. Очень большой?

Мара́т. Обыкновенный.

Ли́ка сняла повязку и долго смотрела на его руку. Неуверенно. Немец был - будь здоров.

Ли́ка обернулась, увидела Леонидика.

Ли́ка. Какая рана глубокая... Сейчас я ее промою. Вот так... (Поглядела в глаза Марату.) Что... больно?

Мара́т (тихо). Очень.

Ли́ка (начала бинтовать ему руку). Пройдет.

Леониди́к (подошел к Марату, легонько ударил его по плечу). Терпи, брат...

Ли́ка (резко). Не трогай его.

4 мая

Солнечный светлый день. В комнате одна Ли́ка, она стирала какую-то мелочь. Вошел Мара́т - возникло неловкое молчание.

Мара́т (не то робко, не то нагло). Привет!

Ли́ка. Утром мы виделись.

Мара́т. Тонко замечено. (Помолчал.) Где Леонидик?

Ли́ка. Вышел погулять. С завтрашнего дня врач разрешил ему работать.

Мара́т. Ай да врач. Ай да Леонидик. Ай да мы, которым он обязан.

(Ли́ка тоскливо вздохнула.)

Мне заткнуться?

Ли́ка. Как хочешь.

Мара́т. В госпитале была?

Ли́ка. Обойдусь и без добрых советов. (Почти равнодушно.) Почему так рано явился?

Ма́рат. Объявили всеобщий перекур.

Ли́ка. Неужели тебе не надоело ломаться?

Ма́рат (робко). Ну, посмотри на меня.

Ли́ка (не отрываясь от дела). Зачем?

Ма́рат (тихо). Шестой день ты на меня не смотришь.

Ли́ка. Может быть, ты снова вытащил девочку из проруби?.. Или поймал еще одного парашютиста?

Ма́рат (резко). Четверых! (Сжав кулаки, опустил голову.)

Ли́ка. И ты мог так глумиться... Вокруг столько горя, рядом умирают дети, а ты мог... (Резко.) Говори правду, что у тебя за царапина на руке?

Ма́рат (не сразу). Поскользнулся и упал на моток колючей проволоки.

Ли́ка (вдруг успокоилась). Все-таки в отряде меня научили чему-то. Проволока. Я сразу догадалась. (Помолчала.) Хорошо еще, что тебе залили ранку йодом ≈ могло случиться заражение. (Посмотрела на него с чуть преувеличенным сожалением.) Бедный мальчик...

Ма́рат. Ли́ка...

Ли́ка. Замолчи! Мне было стыдно за тебя перед Леонидиком, и я соврала: Какая глубокая рана... вспомнить противно! А ты молчал, ты все еще надеялся, что я тебе поверю. (И вдруг сказала тихо, почти жалобно.) Ты не мог бы так поступить, если бы хоть чуточку меня... (Вспыхнула.) Почему ты смеешься?

Ма́рат (яро́стно). Кто тебе сказал, что я смеюсь?..

Ли́ка. Отойти! Ты даже представить себе не можешь, как я тебя презираю.

Ма́рат (тихо). Презираешь?

Ли́ка. Да. И кончено с этим. Кончено навсегда!

Ма́рат (почти про себя), А вот тут ты не ошиблась.

Ли́ка (обернулась). Что ты сказал?

Марат. Проехало.

Ли́ка взяла корыто, в котором она стирала белье, и вышли из комнаты.

Марат достал свой чемоданчик и начал торопливо укладывать в него какие-то несложные пустяковины, Оглянувшись, положил на чемоданчик клочок бумаги и стал быстро писать что-то.

Леонидик (вошел, увидел Марата). Ты что так рано? (Подошел к нему.) Еще два маршрута трамвайных пустили...

Марат (продолжая писать). Имеет место.

Леонидик. А в соседнем доме заработал водопровод. Твоих рук дело?

Марат. А ну, встань на солнышко - погляжу я на тебя. Эх ты, синеглазик, Леонидик... (Писклявым голосом.) Синий-синий, презеленый, красный шар... (Неожиданно обнял его. Подошел к Ликиному диванчику, положил ей на подушку записку.) Передашь! (Взял чемоданчик и почти побежал к выходу.)

Леонидик (обеспокоенно). Куда ты, Марат?

Марат (с веселой яростью). В баню!

В комнату вернулась Ли́ка. Марат скрылся за дверью.

Ли́ка. Куда он побежал?

Леонидик. Все-таки он странный малый... В баню... Врет, конечно.

Ли́ка помолчала немножко и горько заплакала.

Что ты, Ли́ка... Не надо... Не надо, милая...

Ли́ка (взяла его за руку). Слушай... Слушай, Леонидик... (Тихо.) Я его, может быть, люблю.

Леонидик (не сразу). Мне ты могла бы не говорить об этом.

Ли́ка. Он постоянно врет... Ведь он придумал эту историю с парашютистом - на руке просто царапина... Я скрывала от тебя, мне было стыдно за Марата, но больше я не могу - поговори с ним. Ты самый близкий нам человек, Леонидик.

Леонидик (неожиданно). Дураки вы! (Неуверенно.) В момент, когда вокруг происходит величайшая трагедия... (Разозлился на себя.) Во всяком случае, все это крайне несерьезно. Вы еще дети.

Ли́ка (вскрикнула). Дети?.. Кто тебе сказал это?

Леониди́к (помолчал). Он оставил записку... вот.

Ли́ка (вытерла слезы). Ну, что еще сочинил враль несчастный? Тебе и Леонидику. Это нам обоим. (Передала ему записку.) Читай.

Леониди́к. Ну что ж, это верно: я не поймал парашютиста. Но зато познакомился с майором Артемовым. Стоящий человек. И мы с ним хорошо поговорили в ту ночь. Очень мне надо дожидаться осени и призыва. Все уже сговорено, и я прощаюсь с вами. Буду мстить и мстить. Даю слово, вы услышите обо мне. Будь здорова, Ли́ка, и ты не унывай, Леониди́к. Завтра же в госпиталь, Ли́ка! Завтра же! Все.

Ли́ка. Марик... (Взяла записку, поглядела на нее.) Нет, он врет... он все врет! Я не верю, сейчас он вернется обратно...

Леониди́к. На этот раз он не соврал.

Ли́ка. Откуда ты знаешь?

Леониди́к. Просто он стал сегодня мужчиной. (Улыбнулся.) С каждым так бывает.

Ли́ка. Ты... тоже хочешь уйти?

Леониди́к. Он ведь ушел? (Мягко.) Он не оставил мне другого выхода, видишь ли.

Очень далекий артиллерийский выстрел.

Ли́ка. Боже мой!

Леониди́к. Что ты испугалась? Это далеко.

Ли́ка. Теперь каждый выстрел будет направлен в него... только в него.

Леониди́к. Он счастливый...

Занавес

Часть вторая

27 марта 1946 года

Все та же комната, но узнать ее стало нелегко - ведь война кончилась и жизнь снова вошла в свою мирную колею. Вечерний час.

Ли́ка, двадцатилетняя, самостоятельная девушка, с удобством сидела на тахте, вокруг нее были разложены учебники, институтские записки.

Негромко зазвучало радио. Диктор излагал сведения, касающиеся мартовских дней 1946 года. Зазвонил телефон. Ли́ка умерила радио, сняла трубку.

Ли́ка. Да, я слушаю... (После паузы.) Ого, какое внушительное молчание. Интересно, будет ли оно нарушено? Откликнитесь... (Вскрикнула.) Что?.. Это ты?.. Наконец-то... Когда ты приехал?.. Конечно, жду; я еще вчера получила телеграмму... Странно? Чему я должна удивляться?.. Четыре года не виделись, ты приехал с того света и стоишь почему-то внизу, и мы говорим по телефону!.. Сейчас же поднимайся вверх. Лифт теперь работает... (Опустила трубку, вскочила с тахты, в волнении прошлась по комнате. Засмеялась вдруг и погрузилась и посмотрелась в маленькое зеркальце. Попробовала навести порядок в комнате, но тут услышала звонок. Быстро вышла и через мгновение вернулась и сказала, оглянувшись на дверь.) Ну, входи же...

В комнату вошел Леонидик, в солдатской шинели, повзрослевший, изменившийся.

Леонидик. Погоди... (Молча подошел к креслу, сел, закрыл глаза рукой.)

Ли́ка. Ты что молчишь?

Леонидик (открыл глаза, улыбнулся). Вот об этой минуте я и мечтал четыре года. (Встал с кресла.) Можно, я тебя поцелую?

(Ли́ка порывисто поцеловала его. (Оглянулся.) Как здесь изменилось все... Вот тут стоял мой топчанчик, а здесь наша печурка...

Ли́ка. Что же ты шинель не снимаешь?

Леонидик. Видишь ли... У него это не слишком ловко получается. (С некоторым трудом снял с себя шинель, и Ли́ка поняла, что вместо левой руки у него протез.) Вон какая история.

Ли́ка (почему-то улыбнулась). Ладно. Война. Так полагается.

Леонидик. Конечно. (Тоже улыбнулся.) Собственно, из-за этого он и мямлил тебе что-то по телефону... Не хотелось пугать.

Ли́ка. Господи, то ли я еще видела. Тебе просто повезло.

Леонидик. Не совсем. Я потерял ее в Хайларе за неделю до капитуляции. Было немножко обидно. (Словно оправдываясь.) Я ведь писал, что был ранен. И из Маньчжурии и из Хабаровска... (Смущенно.) Ну, а в подробности не хотелось вдаваться.

Ли́ка. Я понимаю.

Леонидик (засмеялся вдруг). Слушай, неужели я вернулся? Взял да и вернулся?..

Ли́ка (тоже засмеялась). Ты вернулся - честное слово!..

Леонидик. Когда сегодня утром он увидел Невский и там вдали Адмиралтейскую иглу... и это, единственное в мире, ленинградское небо... (Смешался.) Я смешно говорю?

Ли́ка. Вовсе нет... (Тихо.) Я все понимаю.

Леонидик (сунул ей сверток). Это тебе.

Ли́ка. Туфельки?..

Леонидик. Домашние, японские... Правда, смешные? И совершенно удивительный гребень.

Ли́ка (примерила гребень перед зеркалом). Ух ты, на Кармен похожа!.. (Обернулась к Леонидику.) Спасибо... Ты внимательный, замечательный и удивительный. Чаю хочешь?

Леонидик. Мечтаю.

Ли́ка (включила электрический чайник). Тогда жди.

Они сидели и смотрели друг на друга,

Леонидик. Ну, говори...

Ли́ка. О чем?

Леонидик. Как жила. Что было.

Ли́ка. А я иногда думаю: чего же не было? Пожалуй, все было. (Помолчала.) Да ведь ты из писем моих знаешь... После того как вы в армию ушли, я узнала о смерти мамы... Об отъезде уж и речи быть не могло - пошла в госпиталь... Да и куда ехать? Так и жила - училась, работала... Ну, обстрелы, конечно, очень мешали. (Улыбнулась.) Так и жила.

Леонидик. А сейчас?

Ли́ка. На втором курсе медицинского.

Леонидик. Словом, исполнение всех желаний?

Ли́ка (помедлила). Не всех.

Леонидик (неуверенно). Старайся.

Ли́ка (усмехнулась). Не от нас зависит.

Леонидик. Нет. Все будет хорошо.

Ли́ка. Думаешь?

Леонидик. Уверен. (Погладил ее руку чуть дольше, чем надо бы.)

Ли́ка. Чайник вскипел.

Леонидик. Молодец.

Ли́ка. Кто?

Леонидик. Чайник. Вовремя вскипел.

Молчание.

Ли́ка (занялась чаем). Где ты остановился?

Леонидик. У двоюродного брата. Он еще весной из эвакуации вернулся. Это что за варенье?

Ли́ка. Айва.

Леонидик. Мы с ним непохожие. Уживемся вряд ли. (Весело.) В сущности, ты осталась у меня одна. Одна на всем свете.

Ли́ка. Одна?

Леонидик. Ты и Марат. Нас трое. То, что было тогда, весной сорок второго, не забудется. Правда?

Ли́ка. Правда.

Они молчат, погруженные в воспоминания.

Леонидик. Хорошее варенье.

Ли́ка. Положить еще?

Леониди́к. Клади... Помнишь, как я съел мед, который тебе прислала мама?

Ли́ка (улыбнулась). Марат страшно горевал.

Леониди́к. Он только такой вид делал, а сам все время меня подкармливал... Смешной Марат. (Поглядел на нее.)

Ли́ка. Да. (Не сразу.) Что ты намерен делать дальше?

Леониди́к. Ему это еще не совсем ясно.

Ли́ка. А все же?

Леониди́к. Есть возможность устроиться в газете. Три года фронтовой журналистики - не пустяк. Но газета - это только плацдарм. Он, видишь ли, привез чемодан стихов...

Ли́ка. И как, попадаютсЯ нынче хорошие?

Леониди́к. Хорошие - еще нет. Сносные - стали попадаться.

Ли́ка. И то хлеб.

Леониди́к. Я съем всю твою айву.

Ли́ка. Нам не жалко, ешь, газетная крыса.

Леониди́к. Э, нет, первый год он был на передовой. Удивительно его тогда щадила война, удивительно. У него ведь и друзья тогда были, но в живых осталось... Да, ему всегда замечательно везло, даже когда он попал в эту комнату. Увидел тебя и съел твою посылку.

Ли́ка. А теперь тебе не везет?

Леониди́к. Пожалуй, везет и теперь. Видишь, как всегда, все у тебя съел. (Показал на протез.) Ему только раз не повезло.

Ли́ка (негромко). Как это случилось?

Леониди́к. Задержал парашютиста.

Ли́ка. Ты смеешься?

Леониди́к. Честное слово.

Ли́ка (усмехнулась). Забавно - если это правда.

Леонидик (не сразу). Он по-прежнему не пишет?

Ли́ка. Нет. За все эти годы я получила от него три поздравления. Он отправлял их в день моего рождения. В серок третьем году, в сорок четвертом и в сорок пятом...

Леонидик. И это были только поздравления? Он не давал своего адреса?

Ли́ка. Нет. (В голосе ее прорвалось отчаяние.) Нет!.. (Помолчала.) Налить еще чаю?

Леонидик. Он прикончил айву.

Ли́ка. Грызи баранки.

Леонидик. Ладно, наливай... (Попробовал баранку.) Однако... (Постучал баранкой о стол.) Ну и ну.

Ли́ка. С чаем сойдут. (Порывисто взяла его за руку.) Леонидик!.. (С надеждой.) Ты думаешь... он жив?

Леонидик (улыбнулся). Вероятно, мы узнаем об этом в день твоего рождения - через две недели... должно прийти поздравление.

Ли́ка. Он не мог забыть нас... правда?

Леонидик (твердо). Он не смел.

Ли́ка (вдруг спокойно, с какой-то уверенностью). Его убили.

Леонидик. Он просто чужак. (Не сразу.) Баранки несъедобны абсолютно.

Ли́ка. Значит, не понравился тебе двоюродный?

Леонидик. Не понравился. Честолюбием не обладает.

Ли́ка. Это большой порок?

Леонидик. Немалый, на мой взгляд.

Ли́ка. Оставайся у меня... по старой памяти. Как-нибудь перегоримся.

Леонидик (засмеялся, подошел к ней, поцеловал в висок). Спасибо... Не те времена.

Ли́ка. Ты уходишь?

Леониди́к. Чай выпит, айва съедена, баранки несъедобны...

Ли́ка (серьезно). Ты дурак?

Леониди́к (подумал). Да.

Ли́ка. А завтра придешь?

Леониди́к. Если надо.

Ли́ка. Мне надо.

Леониди́к. Тогда приду. (Решился надеть на себя шинель, но это не сразу удалось ему.)

Ли́ка. Я помогу.

Леониди́к (резко). Нет.

Ли́ка. Почему?

Леониди́к. Он все должен делать сам. (Улыбнулся.) Иначе ему крышка.

Ли́ка. Ого.

Леониди́к. Виктория!- шинель надета. (Двинулся к двери.)

Ли́ка. Странно, правда?.. Мы так и не рассказали ничего друг другу.

Леониди́к. Ты думаешь?(Они снова помолчали). До завтра. (Быстро уходит.)

17 апреля

День кончался, но комната была еще полна весенним солнцем. Леонидик уютно уселся на подоконнике, почитывая книгу.

Ли́ка (вошла в комнату). Здравсте.

Леониди́к. К ответу! Опоздала на сорок минут!

Ли́ка. Происходило общее собрание. (Недоуменно, но весело.) А как ты здесь очутился?

Леониди́к. За эти три недели я стал необычайно популярен в квартире. Учти, теперь соседи впускают меня даже ночью.

Ли́ка. А ты тип, оказывается.

Леони́дик. Любимец публики! Пленил всех твоих старушек. Тетя Муся даже спросила, скоро ли я тут пропишусь.

Ли́ка (перестала улыбаться). А что ты ей ответил?

Леони́дик (помедлив). Сказал, что справки на эту тему выдаешь ты.

Ли́ка. Это не самая лучшая твоя шутка.

Леони́дик (помрачнел). Прости,

Ли́ка. Ты взял билеты в кино?

Леони́дик. На девять в «Титан», как условились.

Ли́ка. Ты молодец.

Леони́дик. Не совсем в этом уверен.

Ли́ка (тихо). Не надо сердиться. Ладно?

Леони́дик. Он и не сердится. Но у него чертовски трудное положение.

Ли́ка (слабо улыбнулась). Не стоит об этом.

Леони́дик. Ладно... можно и о другом. Ты права. Ужасно права. У меня, кстати, есть идея... Поужинаем перед кино в каком-нибудь не слишком захудалом ресторанчике.

Ли́ка. Шикарное предложение. Тебе, кстати, не кажется, что ты пьешь больше, чем это полагается по норме?

Леони́дик (серьезно). Видишь ли, если считать, что я пью с горя, то я, вероятно, здорово недобираю до нормы.

Ли́ка. Ты опять...

Леони́дик (помолчал). Я нудный парень?

Ли́ка. Не без этого. И, кстати, учти, у тебя очень неважно со здоровьем. На будущей неделе пойдешь исследоваться в нашу клинику... Я договорилась.

Леони́дик. Насколько понимаю - я пропал?

Ли́ка. Война кончилась, миленький, пора взяться за разум.

Леонидик. Ладно. Но сегодня мы напьемся.

Ли́ка. С чего бы это?

Леонидик (вынул из гимнастерки деньги). Первая получка.

Ли́ка (обрадованно). Стихи?

Леонидик. Сатирический фельетон «Как Дормидонт производил ремонт».

Ли́ка [чуть разочарованно] Я думала, за серьезное.

Леонидик. Поэзия не подлежит оплате. Напьемся?

Ли́ка. Ну что ж, была не была.

Леонидик. Закажем молдавское вино «Лидию»... Помнишь, на твоём дне рождения мы выпили целую бутылку. «Лидия» - твоя тетка. Тебе ведь понравилось.

Ли́ка. Очень. Выпила бутылку - сижу и плачу. История.

Леонидик (осторожно). Может быть, она ещё будет... телеграмма.

Ли́ка. Нет, три дня прошло. Время не военное, почта работает исправно. Не придет телеграмма. Только вот почему не придет? Забыл о нас... или нет его на свете? (Раздражаясь.) Какое твоё рассуждение, товарищ Леонидик?

Леонидик (тихо). Не надо на меня сердиться. Разве я виноват, что с войны живой вернулся... а он нет?

Ли́ка (не сразу). Не веришь, что он вернется?.. *Леонидик не ответил.*

И то... Зачем тебе в это верить?.. Зачем он нужен тебе- Марат Евстигнеев?

Леонидик (сжал кулак). Ты что... что хочешь сказать?

Ли́ка. Сам знаешь.

Леонидик (вскрикнул). Замолчи!

Ли́ка (опустилась в кресло). Ой, плохо-то как...

Леонидик (медленно подошел к вешалке, снял шинель). Я пойду, пожалуй...

Ли́ка. Нет!.. Не оставляй меня, слышишь... (Тихо.) Мне очень будет плохо, если ты уйдешь сейчас.

Леонидик. Тогда я останусь.

Ли́ка. Спасибо. Ты замечательный.

Леонидик. Замечательный, внимательный, удивительный.

Ли́ка. Ты думаешь, я все еще его люблю? А я почти его забыла. И только себя помню - себя! - какой я тогда была. Смелой, веселой и счастливой. Я словно все еще принадлежу той девочке сорок второго года... во всем ей послушна.

Леонидик (подошел к ней). Погуляем по солнышку?

Ли́ка. Только не воображай, что я несчастна... Я учусь любимому делу, буду врачом... Что может мне теперь помешать?

Кто? (Весело.) Пошли на улицу! (Взяла шинель: решила помочь ему одеться.)

Леонидик (резко). Я же говорил... Не смей ему помогать! Он все должен делать сам.

Ли́ка. Прости. (*Позвонили два раза.*) Это к нам. Подожди, я открою. (Ушла и тотчас вернулась.) Какой-то мальчишка со двора принес записку... (Раскрыла записку.) Марат!

Леонидик (подбежал к ней). Что с ним?

Ли́ка. Прочти... (Отдала ему записку и, опершись на дверь, почти в забытьи посмотрела на Леонидика.)

Леонидик. «Я приехал. Я сейчас поднимусь. Если ты меня забыла или не хочешь видеть, скажи пацану. И я скроюсь. Все. Герой Советского Союза Марат Евстигнеев».

Ли́ка (не двигаясь). Он жив...

Леонидик. Видишь?

Ли́ка (лихорадочно). Надо сказать мальчику... Где он? (Вскрикнула.) Ушел!.. (Стремительно выбежала из комнаты.)

Леонидик (улыбнулся вдруг). Марик... (Почему-то вынул расческу, стал причесываться.)

Ли́ка (вернулась). Понимаешь, в коридоре перегорела лампочка...

Леонидик. Успокойся.

Ли́ка. Я открыла ему парадную дверь - это ничего, правда, миленький?

Леонидик. Что с тобой?

Ли́ка. Немножко кружится голова. (Ли́ка начала ходить это комнате. Леонидик смотрел на нее.) Я пойду ему навстречу...

Леонидик. Накинь пальто!

Ли́ка. Пустяки! (Бросилась к выходу.)

В раскрытую дверь вошел Марат Евстигнеев. Шинель его была растегнута, он в полной военной форме, гвардии капитан. Как ни странно, Марат почти не изменился - мальчишка по-прежнему, - только кожа его обветрилась и погрубела. Увидя Ли́ку, он несколько мгновений стоял молча, словно изучая ее.

Марат. Привет.

Ли́ка. Ты жив?

Марат. Конечно. (Двинулся к ней и вдруг заметил Леониди-ка.) Ты?! (Обнял его, поцеловал, и они долго стояли молча обнявшись.) Нам здорово повезло... верно?

Леонидик (улыбнулся). Да. Могло быть много хуже.

Марат. Что делал?

Леонидик. Пехота. Потом - военкор. А ты?

Марат. Разведка.

Ли́ка. Марат!.. Ты... ты забыл обо мне.

Марат. Он же солдат, глупая. (Поцеловал ее.) Ну, вот и все. А теперь пусть попробуют нас одолеть. (Сбросил с себя шинель.)

Ли́ка. О ком ты говоришь?

Марат. Не знаю.

Леонидик (поглядел на его ордена). Ого, звездочка!..

Марат. А ты думал.

Ли́ка (почти шепотом). Но... почему ты не писал?

Ма́рат. Мало ли почему. Важно, что я вернулся. Остальное не имеет значения. (Леонидику.) Разве не так? (Поглядел на них.) Стоп!.. А вы не поженились?

Леониди́к. В положительном смысле этот вопрос пока не решен.

Ма́рат. Вы, ребята, молодцы.

Ли́ка. Три дня назад... я так ждала твою телеграмму.

Ма́рат. Но тогда я сорвал бы весь эффект... И разве все получилось бы так красиво?

Ли́ка (чуть насмешливо). Слушай, Леонидик, а может быть, он украл эту звездочку?

Ма́рат (возмущенно). Что?

Ли́ка. Забавно... А я думала, что ты погиб.

Ма́рат. Плохо ты меня знаешь. (Леонидику.) Верно? (Ударил его по руке и замолчал - понял, что у него протез.) Прости...

Леониди́к (словно извиняясь). Что поделаешь.

Ма́рат (серьезно). Мне это не нравится.

Леониди́к (улыбнулся). Мне тоже.

Ма́рат (резко). Мне это не нравится больше, чем тебе.

Леониди́к. Почему?

Ма́рат. Когда-нибудь я тебе скажу об этом.

Леониди́к (Ли́ке). Я, пожалуй, слетаю в магазин... Отличный повод произнести тост.

Ма́рат. За кого ты принимаешь меня, Леонидик? (Вынул из шинели бутылку коньяка.)

Леониди́к. Восхитительно.

Ма́рат. А ты думал... (Открыл бутылку.) Ты более чем красива, Ли́ка... Ты как солнце. На тебя можно смотреть, только прищурившись.

Леонидик (налил коньяк, поднял рюмку). За что?

Марат (подумав). Молча.

2 мая

Снова солнечный день. Настежь распахнуты окна. Далекая музыка. Внимательно слушала Лика беспокойно шагнувшего по комнате Марата.

Марат. ...Из Берлина я летел на Дугласе, погода была ясная ≈ ни облачка, и все проклятое разорение было как на ладошке. (С кокой-то внутренней яростью.) Осенью буду в институте. Буду! А потом начнем строить мосты. Мосты! Святое дело. То, что соединяет. (Задумался.) Мне скоро двадцать два, ≈когда-то я считал, что это половина жизни. Ерунда, конечно. (Подошел к Лике.) О чем мы только не мечтали тогда ≈ в сороковом...

Лика (усмехнулась). Да... Похоже на фотопленку, которую впопыхах случайно засветили.

Марат. Когда две недели назад я вошел в эту комнату, я не знал, что все так непросто. Берлин был взят год назад, но только здесь, в Ленинграде, я понял, что война кончилась. Безвозвратно.

Лика. Ты жалеешь об этом?

Марат. Мне немножко страшно.

Лика. Страшно?

Марат. Ну одиноко, что ли... Точно я опять лишился семьи. (Оглянулся.) И никого нет.

Лика. Никого?

Марат. Прости. Мне надо привыкнуть...

Лика. К чему?

Марат. К жизни. К тебе. (Усмехнулся.) Я не всегда верю, что остался жив... И что ты - это ты.

Лика (тихо). Возьми да поверь...

Марат (он думал о своем). Иногда они кажутся десятками лет, эти четыре года... Их не забудешь.

Лика. Ты... любил кого-нибудь?

Марат. Всякое бывало. Можно, конечно, и не говорить об этом, но поглядим лучше правде в глаза.

Ли́ка. Ладно, поглядим.

Марат. Что ты?

Ли́ка. Чепуха.

Марат. Да, смешно... Ходил-ходил по свету и, кажется, ни черта не знаю о себе. Ты знаешь что-нибудь о себе?

Ли́ка (в запальчивости). Все!

Марат (резко). И это «все» - выдумки! (*Ли́ка не ответила.*) Какой у тебя медальон красивый.

Ли́ка. Нравится? Это ты мне его подарил.

Марат. Что ты врешь... когда?

Ли́ка (с какой-то исступленной радостью). В прошлом году в день моего рождения. Его продавала одна старушка. Деньги, правда, за него заплатила я, но поверила, что это ты... И всегда буду верить.

Марат (не сразу). Спасибо. (Отошел к окну, обернулся.) Ты придумала... с медальоном?

Ли́ка. Может быть.

Марат. Это красиво, во всяком случае. (*С улицы донеслась мелодия вальса, под который они танцевали в сорок втором, в день ее рождения.*) Помнишь?

Ли́ка (тихо). Да... (*Они молча стояли и слушали.*) А потом вошел Леонидик...

Марат. И съел твою посылку. (Посмотрел на часы.) Где он, кстати? Мы ведь в три встретиться условились.

Ли́ка. Явится. Он аккуратный.

Марат. Он здорово изменился. В сорок втором старшим был я. Сейчас не так.

Ли́ка. И тогда было не так.

Марат. Хочется, чтобы ему было хорошо.

Ли́ка. Очень.

Марат. Стихи-то его стоят чего-нибудь?

Ли́ка (задумчиво). Они какие-то непростые.

Марат. Это плохо?

Ли́ка. Может быть. Во время войны я Тургенева любила, Толстого... Зачитывалась как ненормальная... А сейчас детские книги люблю. Особенно веселые. (Засмеялась.) По-моему, четырнадцать лет - лучшая пора жизни.

Марат. Четырнадцать - это шикарно!

Ли́ка. Кхе-кхе-кхе!.. Мы с тобой, как два старичка.

Марат (неожиданно). Да, хотелось, чтобы он был счастлив.

Ли́ка. С левой рукой ему не повезло.

Марат. Нет, это мне не повезло. (Поглядел на нее.) Он говорил, что любит тебя?

Ли́ка. Нет... пожалуй.

Марат. Только все равно видно.

Ли́ка. Ты ведь тоже не говорил.

Марат. погоди, скажу еще. Может быть.

Ли́ка. Может быть?

Марат. Не люблю толкучки. (Не сразу.) А стоит?

Ли́ка. Сначала скажи, а там посмотрим.

Марат. У Леонидика передо мной большие козыри.

Ли́ка. Какие?

Марат. И потом, я ужасно гордый, Ли́ка. Я такой гордый, что мне иногда самому противно. Мне вон в общежитии паршивую комнатенку дали. Не жалею - герой все-таки.

Ли́ка. Марик... я давно хотела сказать - эта комната, конечно, принадлежит тебе и...

Марат (прервал ее). Об этом - замри.

Ли́ка (насмешливо). В тот день они спорили о жилплощади.

Ма́рат. Ни о чем они не спорили. В том и беда.

Леони́дик (почти вбежал в комнату). Конитива! Конити-ва! - добрый день по-японски. (Начал долго и церемонно кланяться.) А за сим последует раздача первомайских подарков. (Ли́ке.) Тебе - подснежники, а Герою Советского Союза – «уйди-уйди»... Главный приз - раскидай - будет разыгран несколько позже.

Ма́рат. По-моему, военкор, ты где-то нагрузился.

Леони́дик. Выпита сущая малость, да еще с моим унылым кузенком. (Поставил на стол принесенную бутылку вина.) Жажду продолжения.

Ли́ка. Я тебя сейчас выгоню отсюда, вот что!..

Леони́дик. Ма́рат тебе не позволит. Ма́рат любит меня - он друг народа. Ма́рат, скажи ей, что ты меня любишь... И где штопор, в конце концов?

Ма́рат. Дай ты ему штопор.

Ли́ка. И не подумаю! В клинике его смотрели лучшие профессора - у него тридцать три болезни, а сердце вообще ни к черту.

Леони́дик (подмигивая). Он скоро умрет, Ма́рат.

Ли́ка. Вот дурак.

Леони́дик. Дашь ты нам штопор?

Ли́ка. Нет.

Леони́дик. Первое мая - международный праздник трудящихся.

Ли́ка. Нет.

Леони́дик. Встреча боевых друзей.

Ли́ка. Эта встреча длится две недели.

Леони́дик (патетично). Я больше не буду!

Ли́ка (дала ему штопор). И чтобы это было в последний раз.

Леонидик. Какой разговор, дитя мое. (Подошел к окну.) А правда, сегодняшний день какой-то довоенный? Флаги на кораблях, музыка, танцы - как будто не было смерти и разрушения, не было этих пяти лет!

Марат (резко). И все-таки они были! Помнишь, я спорил с тобой, Лика, хотел, чтобы после войны все было как прежде? Ты оказалась права - вчера, на параде, я понял это. По-прежнему играли оркестры, шли войска, родители несли детей, но все было полно другого значения, и я вдруг ясно увидел, что мы живем уже в каком-то новом летоисчислении и прежнее не вернется.

Лика (осторожно). Может быть, потому что мы стали другие?

Леонидик. Мы? А кто они такие - мы - интересно бы узнать.

Лика. Мы... те, кто, став взрослыми, читает детские книги.

Леонидик. Я дрался с японцами, когда на Хиросиму упала атомная бомба. В тот день я кое-что понял. (Помедлив.) Может быть, мы - это те, кто уцелел?

Марат (яростно). Нет! Те - кто победил! Именно так - победители! И если мы забудем об этом - нам крышка.

Леонидик. Ты пьян победой больше, чем полагается, детка. Бойся похмелья... Знаешь, что опаснее всего для победителя? Унаследовать пороки побежденного.

Марат. Очень уж ты... размышляешь.

Леонидик. Лика, обрати внимание, Марат не хочет, чтобы я размышлял... Он деспот. Ура, в Россию скачет кочующий деспот.

Лика. Перестаньте спорить! Надоело.

Леонидик. Присоединяешься к деспоту? Люблю тебя за ясность, Лика. А я тебя люблю - решительно заявляю об этом окружающим. Окружающие, вы поняли меня?

Марат. Ему, пожалуй, верно, хватит пить.

Леонидик. Зажим! Итак, граждане, мы обсудили, что такое победа. Обсуждаем следующий вопрос - что такое любовь... и с чем ее едят.

Лика (негромко). Не надо, Леонидик...

Леонидик. Слово Марату. Внимание, Герой Советского Союза - о любви. Прошу!

Марат (подошел к Леонидику). Болтаешь, болтаешь... Уши вянут! (Резко.)
Если хочешь знать, настоящий мужчина и без любви проживет.

Леонидик. Прекрасно. А как стать настоящим мужчиной?

Ли́ка (не сразу). Вероятно, Марат дает уроки.

Леонидик (Марату). Запиши меня - по субботам от трех до пяти.
Попробовать, что ли?

Марат. Боюсь, тебе уже ничего не поможет.

Леонидик (вспыхнул). На твоём месте я бы так не шутил.

Ли́ка (встревожилась). Ребята, сейчас же перестаньте.

Леонидик. Ну конечно, дамы обожают Героев Советского Союза.

Марат. Именно. И они не терпят слюнтяев.

Леонидик (вплотную подошел к Марату). Ты, видимо, забыл, что я потерял не правую, а левую руку.

Леонидик резко ударил Марата в подбородок, тот медленно повалился на пол.

Ли́ка (бросилась к Марату). Негодяй... что ты с ним сделал?

Леонидик. Пустяки. Апперкот. Дай Голиафу нашатыря.

Ли́ка (заметалась по комнате). Я его куда-то сунула...

Леонидик (сел за стол, повязал салфетку). У тебя нет еды? Ужасно есть захотелось.

Ли́ка. Нечего сказать - хороши... Драку затеяли.

Леонидик. Он получил, что ему следовало,- вот и все. Ну, ты нашла нашатырь?

Марат (на полу). К чертям... Не надо нашатыря. Хорошо еще, что упал головой на ковер.

Ли́ка. Выпей воды.

Марат. Ты прости меня, Леон, я наговорил лишнего.

Леонидик. Ладно, ты тоже не сердись... Я не думал, что мне так повезет.

Марат (трет подбородок). Да... Первосортный удар.

Ли́ка. Вот дураки! (Поглядела на Марата.) Теперь у него синяк... Как же мы пойдем гулять на Неву?

Марат. А что? В праздники синяк - явление законное.

Леонидик. Надо найти медный пяточок.

Марат. Вот что значит недооценка противника.

Леонидик. Намотай это себе на ус до следующего раза.

Марат. Он мне снова угрожает, слышишь, Ли́ка?

Ли́ка (в шутку или нет?). Для настоящего мужчины, который и без любви проживет... пустяки!

Леонидик. А теперь - раскидай!.. Лучший первомайский подарок! Радость октябрят! Он достанется - самому счастливому. И так, выигрывает длинная спичка... Внимание. Тяните! Все смеются.

26 мая

Поздний вечер, но на дворе еще светло. В открытом окне виден кусок изумительного золотистого неба. Марат и Леонидик ждали Ли́ку.

Леонидик. Который час?

Марат. Четверть одиннадцатого. Загуляла наша Ли́ка. (Помолчал.) Зажечь свет?

Леонидик. Зачем? Сегодня полной темноты уж не наступит.

Марат. Стихами заговорил?

Леонидик. Глупец. Белые ночи - величайшее чудо.

Марат. Может, по домам?.. Поздний час.

Леонидик. Если хочешь - иди. (Показал на себя.) Он останется.

Марат. Ты - личность.

Леонидик. Он не видел ее два дня. И очень соскучился. И не боится в этом признаться. Знаешь почему? Он не похож на настоящего мужчину. Говорит, что думает, делает, что хочет. Он весь на ладони.

Марат. И как тебе там - удобно?

Леонидик. Не дует. (Помолчал.) Ну что сидишь? Ты ведь уходить собрался?

Марат (посмотрел в окно). И верно, чудо. Небо - зеленое с золотом. (Не сразу.) Леонидик... ты в Саратове был?

Леонидик. Проездом.

Марат. Понравилось?

Леонидик. Так себе.

Марат. Я, может, уеду туда. Учиться.

Леонидик (повернулся к нему). Рехнулся... Зачем?

Марат. Фронтальной дружок зовет. (Улыбнулся.) И Волга там широкая.

Леонидик. Тебе-то что?

Марат. Красиво. Да и ты мне надоел здорово.

Леонидик. От тебя, положим, всего ждать можно.

Марат. Абсолютно. (Серьезно.) Ты как относишься ко мне?

Леонидик. Не представляю своей жизни без тебя, моя радость.

Марат. Не трепись. Я тебя люблю.

Леонидик (вдруг просто). Знаю.

Марат. Но это не меняет дела. Понял?

Леонидик. Конечно.

Марат. Кому-то из нас надо уехать. Хоть на время, что ли.

Леонидик. Может быть.

Марат. Ленечка... (Очень тихо.) Уезжай ты. Так лучше будет.

Леонидик. Кому?

Марат. Тебе. Это я верно знаю.

Леонидик (усмехнулся). А если уеду - стану настоящим мужчиной?

Марат. Угадал. (Страстно.) Нам друг другу врать нельзя, не любит она тебя.

Леонидик. Может, и так, только об этом мы у нее самой спросим.

Марат. Хорошо ли будет?

Леонидик. Видишь ли, гражданин Марат, тот, кто имеет немного, даже малость боится потерять.

Вошла Лика, зажигает свет.

Лика. Вы что же это, типчики, в полутьме сидите?

Леонидик. Симпатично. Белая ночь за окном.

Лика. Я уж боялась, вы по домам разошлись. А вы вон какие стойкие оказались.

Марат. Это Леонидик стойкий.

Лика. А ты, конечно, убежать хотел? Ну и ступай себе. А мы с Леонидиком чай будем пить, я для него айву купила.

Леонидик. Слыхал, Марик?

Марат (махнул рукой). Женщины! (Весело.) Ладно, чай и я пить буду.

Лика. Сначала прощения проси, что уйти хотел.

Марат. Фиг! Не дашь чаю - застрелю твоего Леонидика к чертям собачьим.

Лика (захохотала). Вот дураки!.. (Принялась хлопотать о чае.) А какой сейчас Ленинград удивительный... На Марсовом поле сирень распустилась, пахнет одуряюще... И над Петропавловской крепостью закат - как апельсиновая шкурка. У Невы, на каменных скамьях, влюбленные. Можно подумать - весь город с ума посходил. Сейчас поднимаюсь по лестнице, а на втором этаже парочка целуется. (Марату.) И кто бы ты думал? Твоя Лелечка из Тбилиси.

Марат. Пойти удавить ее, что ли?

Леонидик. А я мальчишкой девчонок не любил. Я только ревновал их.

Марат. Слышишь, Леон, а ты про любовь стишата пишешь?

Леонидик. Случается.

Марат (Ли́ке). Хорошие?

Ли́ка. Ничего себе...

Марат. Народ о любви обожает.

Леонидик. Видишь ли... Эти стихи я не для печати предназначаю.

Марат. Для кого же?

Леонидик. Для себя.

Марат. Ого! Заранее знаешь - это для народа, а это для собственного удовольствия? Какая-то у тебя двойная бухгалтерия получается...

Леонидик. Настоящий поэт, дитя мое, должен экспериментировать. Идти на риск!.. Втягивать в это неподготовленного читателя - глупо!

Марат. Вот что, друг, есть и не трусливые любители чтения. И они хотят рисковать вместе с поэтом! Помнишь, поэзия вся - езда в неизвестное. А ты хочешь путешествовать туда один... Персонально!

Ли́ка. Перестаньте кричать - и все по местам, чай вскипел! А ты, Марат, зря нападаешь на Леонидика. За что человек должен любить свою профессию? За то, что она заставляет рисковать, пробовать, ошибаться, идти своим непроторенным путем... Из всех профессий медицина самая рискованная, потому что я и люблю ее... Вот моя мама - была обыкновенным заурядным врачом, хотя в юности и мечтала стать большим ученым... Не случилось... (Весело.) Но дети для того и рождаются на свет, чтобы свершить то, что не удалось их родителям... Даю слово: двадцатый век покончит со всеми болезнями... Я обещаю вам, братцы!

Марат. Дай нам лучше колбасы, нахалка.

Ли́ка. Вот кончу институт - и тотчас за диссертацию! Иногда я проснусь и думаю: господи, ну кто, кто может помешать мне стать великим ученым? Кто этот враг?

Леонидик. А ты сама?

Ли́ка. Что?..

Леонидик. Может, сама ты и есть единственный свой враг.

Ли́ка. Нет, погоди...

Леонидик. А угадать врага - значит наполовину победить его.

Марат. Фашизм не надо было угадывать... а не было врага страшнее.

Леонидик. Кто знает. Тайный враг всегда опаснее явного.

Марат. Вы мне надоели! (Леонидику.) С тех пор как ты внял Ликиным запугиваниям и впал в трезвость, ты стал невыносим.

Лица. Марат, это непедагогично! Леонидик нервная, болезненная натура... А ты, вместо того чтобы поддержать меня, дразнишь его зачем-то.

Леонидик. Не дразни меня, Марик,- я почти при смерти.

Лица. А ты, легкомысленный дурак... сам не знаешь своего положения.

Марат. Безобразие... Из-за этого типа и мне теперь нельзя выпить ни капельки.

Лица (неожиданно). Вот мы все шутим, шутим, а мне почему-то грустно.

Марат (решительно). Сказать почему?

Леонидик. Погоди... не надо.

Марат. Ты ведь хотел этого.

Леонидик. Она знает сама, почему нам бывает невесело... Нам троим - когда мы вместе.

Лица (долго молчала). Миленькие... не надо про это.

Леонидик. Когда-нибудь все равно придется. (Кивнул на Марата.) Он в Саратов ехать собрался.

Лица. Ты?

Марат. Возьму и уеду. Поплачете без меня. (Помолчал.) Странно. Стемнело все-таки...

Леонидик. Он и мне уехать советовал. Сказал, ты меня не любишь.

Лица. У нас Марату все известно.

Леонидик. Это кто на гитаре играет?

Лица. Сосед на балконе. Он лирик.

Марат (показал на Лику). Влюблен?

Ли́ка. Страшным образом. Ему шестьдесят скоро.

·^ с и п и ,ц *г к. по нынешним временам - жених. Руки-ноги есть.

Марат. Тонко замечено.

Ли́ка (Марату). А куда ехать собрался?

Марат. В Саратов. Как на твой вкус?

Ли́ка. Не посещала.

Леонидик. Городок неплохой. Там и медицинский есть.

Марат. Там чего-чего нету.

Ли́ка (посмотрела на Марата). Оттого и выбрал?

Марат. У меня там дружок.

Ли́ка. А здесь дружков нету?

Марат. То-то и беда, что есть.

Леонидик (улыбнулся). Шикарно сказано.

Марат (угрюмо). Ладно... Кому-то надо уезжать.

Ли́ка. Тебе первому, конечно?

Марат (пожал плечами). Разведчик.

Леонидик. Настоящий мужчина.

Ли́ка. А ты?

Леонидик. А я- нет. (Вскрикнул.) Нет! Если ты прогонишь меня - вот тогда я уеду.

Марат. Он и мне так объявил. Цени.

Ли́ка (очень резко). Замолчи ты...

Леонидик (положил себе еще варенья). Интересно... Никогда не видел, как растёт айва.

Марат. Растет себе.

Леонидик. Нет, я сказал неправду- если ты меня прогонишь, я все равно с тобой останусь.

Ли́ка (с вызовом). А почему?

Леонидик. Если тебя не будет - ничего не будет.

Ли́ка (Марату). Молчишь?

Марат (почти весело). А что попусту болтать.

Леонидик. У тебя соседи не ругаются, что мы сидим так поздно?

Марат. У нас соседи хорошие. (Усмехнулся.) Эх, жилплощадь ты моя, жилплощадь...

Ли́ка. Да... смешное слово.

Марат. Я в Дрогобыче был сильно влюблен в одну девицу. Когда я уезжал, она мне сказала: «Марик, не делайте глупостей, возвращайтесь: у меня такая чудесная жилплощадь».

Леонидик. Bravo!

Ли́ка. А ты в каком городе был сильно влюблен, Леонидик?

Леонидик. В Ленинграде.

Ли́ка (Марату). Тебе за ним не угнаться.

Марат. Сознаю. Ты Тургенева не разлюбила.

Ли́ка. Напрасно ты смеешься надо мной.

Марат. Смеха нет - одни слезы. (Встал из-за стола.) Ладно, хватит чудить. Кому-то удаляться надо. Мне или ему.

Леонидик (помертвел). Как ты скажешь, так и будет.

Ли́ка. Ого, вы какие!.. А я ведь и соседа могу выбрать. С гитарой.

Леонидик (прислушался, как играет сосед). Да, он старается.

Марат (неожиданно резко). Мне шутить надоело.

Ли́ка. Тогда помолчим. (Не сразу.) Ты любишь меня, Марат?

Ма́рат. Я бы сказал тебе, Ли́ка, но я... (Засмеялся.)

Ли́ка. Ты говоришь так, потому что... уверен во мне, да?

Ма́рат. Говорю как говорю. Я ведь герой, Ликочка, об этом даже в газетах было.

Леони́дик. Он любит тебя. Он сам сказал мне это.

Ли́ка. Ого!.. Берешь пример с настоящего мужчины?

Леони́дик. С кем поведешься...

Ли́ка. А теперь не про него, а про себя скажи.

Леони́дик (очень серьезно). Я без тебя пропаду. Ты для меня сестра и мать. Весь белый свет.

Ма́рат. Где уж нам.

Ли́ка (подошла к Леонидику, провела рукой по его волосам). Налить еще чаю?

Леони́дик (пытаясь улыбнуться). Коньячку бы сто грамм.

Ма́рат (он побледнел). Коньяк я вам завтра принесу.

Ли́ка. Уже светает... Какая ночь недолгая.

Занавес

10 декабря 1959 года.

Входят Ли́ка и Леони́дик. Ли́ка молча помогла Леонидику снять шубу, опустила на колени, сняла ботинки, затем ушла за занавеску, переоделась в халатик. Леони́дик надел домашнюю куртку и тапочки.

Молчание длилось довольно долго.

Ли́ка накрывает на стол к ужину. Леони́дик читает газету.

Леони́дик «Ленэлетросбыть проводит расширенную продажу металлической посуды. К празднику приятно обновить предметы хозяйственного обихода» (радостно) «Продается металлическая дымавая труда, диаметр 700 миллиметров, длина 18 метров»

Ли́ка Наконец-то.

Леонидик «Торг гастронома организует широкую предпраздничну. Торговлю гастрономическими товарами» «Встречайте будущий 1960 году в ресторанах Интуриста»

Ли́ка Совершенно черствый хлеб.

Леонидик Програма передач на 11 декабря. 16.45 √ Открыто сердце для друзей. Концерт песни. 17.30 - Если тебе комсомолец имя. 18.20 √ Беседа. Наступление на ревматизм. 19.15 √ выступление поэта А.Софронова. 19.40 √ И запела скрипка над селом.

Ли́ка (подошла к нему, поцеловала в затылок) Хватит.

Леонидик Пожалуйста. Еще в 20.15 √ «Эх, хорошо в стране советской жить.»

Вскипел чайник.

Ли́ка Иди пить чай.

Леонидик Пожалуйста (сел к столу)

Ли́ка Сделать тебе бутерброд?

Леонидик Пожалуйста

Ли́ка С сыром?

Леонидик С колбасой (Помолчал) А глупая была пьеса.

Ли́ка Нет, отчего же, нормальная (посмотрела на него) и кончилась рано. Одиннадцать.

Леонидик Твой любимый народный отлично сегодня строил рожи. Старался.

Ли́ка Он был не в ударе.

Леонидик Отчего же, басил как мог. Моя воля - я бы все театры закрыл.

Ли́ка Что так?

Леонидик Видишь ли мысль, что все хорошее хорошо, а все плохое плохо, сама по себе недурна. Но от повторений как-то приедается.

Ли́ка Ты вольнодумец (принесла коробку шоколада)

Леонидик Ого! А по какому случаю излишества?

Ли́ка Уже забыл? С 1 января я буду получать на 200 рублей больше.

Леонидик. По сему случаю могла бы облагодетельствовать чем-нибудь покрепче.

Ли́ка (стала серьезной). Об этом и не думай.

Леонидик. Все-таки растем... продвигаемся по службе.

Ли́ка. Нет.

Леонидик. Молчу.

Ли́ка. Ты ведь стал совсем молодцом последнее время.

Леонидик. Служу трудовому народу.

Ли́ка (улыбнулась). Не дури.

Леонидик. Есть - не дурить, есть - не пить, есть - есть шоколад. (Съел шоколадку,) А кем ты теперь будешь?

Ли́ка. Неосвобожденной заведующей.

Леонидик. Великолепие. Знал, что делал, когда на тебе женился. А от чего ты не освобождена?

Ли́ка. От практики. Веду и практикую.

Леонидик. А что лучше - неосвобожденная заведующая или освобожденная ?

Ли́ка. Вероятно, освобожденная лучше.

Леонидик. Ура, значит, все впереди. Кстати, беседовал нынче с руководством ≈ квартиру обещают вскорости... Весной переберемся. Ты не рада?

Ли́ка. Рада. (Тихо.) Только я привыкла к этой комнате.

Леонидик. Увы, увy! Но переезжать все же придется. (Вдруг очень резко.) Черт знает, какая на этом фронте преуспела шушера. Въехали и окопались подонки! (Испугался своего тона.) Впрочем, наплевать.

Ли́ка. Еще чаю выпьешь?-

Леонидик. Финита. (Встал из-за стола, поцеловал ей руку.) Величайшее мерси.

Ли́ка. Будешь работать?

Леонидик. Да, завтра корректуру сдавать.

Ли́ка. Мог бы и днем...

Леонидик. Ночью мне прекраснее. О ночная лампа, мой друг, мой брат, догорю с тобой и я!

Ли́ка (мягко). Леонидик, милый, помолчи.

Пауза.

Леонидик. К сведенью - кончились чернила.

Ли́ка. Я завтра куплю.

Леонидик. И бумаги хорошей не осталось.

Ли́ка. Я куплю. (Начала убирать со стола.)

Леонидик (перелистал корректуру). Петров подлец!.. Как, вероятно, Иванов и Сидоров. Тираж пять тысяч! (Вдруг по-настоящему зло.) Свинья. (Улыбнулся.) А обещал десять. Сборник стихов... Все-таки он у меня не каждый год выходит. (Резко.) Недавно твоему подонку сто тысяч тираж дали.

Ли́ка. Почему - моему?

Леонидик. Зачитываешься.

Ли́ка. Он ведь и тебе нравился.

Леонидик. Да... хорошо начинал. А потом? (Яростно.) К чему этот дешевый успех? Эти тиражи? Дутая фигура! (Замолчал неловко.)

Ли́ка. Не надо, братец. (Помедлила.) Ну, хочешь, я схожу к Петрову, поговорю о тираже. Мне ведь иногда удавалось... Конечно, пять \approx это мало.

Леонидик (оживился). И верно, черт побери... Почему бы и нет? Будь еще раз ангелом-хранителем, проведи разъяснительную работу среди Петровых и Сидоровых... О моя жена, чистейшая из женщин.

Ли́ка. Хватит, хватит. (Погладила его волосы.) Ступай к столу.

Леонидик. Спи сладко, неосвобожденная заведующая... Мой ангел-хранитель. (Пританцовывая, он несколько раз обошел вокруг стола с корректурой в руках.) ¶Идем за синей птицей... идем за синей птицей... Мы длинной вереницей... ¶¶ (Наконец сел в свое кресло, сел тяжело, словно устал от долгой дороги.) Чернила кончились.

Ли́ка. Ты уже говорил.

Леонидик. Пардон.

Ли́ка погасила свет. Только одна лампа за столом Леонидика продолжала гореть.

Ли́ка. Я включу магнитофон... тихонечко?

Леонидик. Давай. Музыка способствует корректуре.

Медленный вальс. Это под него когда-то танцевали Марат и Ли́ка.

(Улыбнулся.) Опять свою любимую поставила?

Ли́ка (тихо). Тебе не нравится?

Леонидик. Отчего же... Неплохой мотивчик.

11 декабря

Четвертый час, но в декабре ленинградский день короток, и в эту пору за окнами начинает темнеть. Вернувшись с дежурства. Ли́ка занялась домашними делами - собрала на поднос посуду и вышла за занавеску. Пробили часы. Кто-то тихонько постучал в комнату. Стук повторился. Медленно отворилась дверь-это Марат. Оглядевшись по сторонам, он сделал несколько шагов к окну, посмотрел на улицу и прижался лбом к оконному стеклу. Из-за занавески вышла Ли́ка, поставила посуду на стол, обернулась, увидела Марата. Так долго они смотрели друг на друга.

Ли́ка (тихо). Что ты... что ты... (Как-то странно махнула на него рукой.) Зачем? Ты сошел с ума.

Марат (глотнул воздух). Нет.

Ли́ка. Это ни к чему.

Марат. К чему.

Ли́ка. Столько лет! Неужели ты не понимаешь?

Марат. Что ≈ столько лет?

Ли́ка. Прошло столько лет.

Марат. Ну и что? (Вскрикнул.) погоди! Стой так. Еще. Не двигайся. Стой. Стой еще. Еще стой так.

Ли́ка. Сними шапку, Марик. (Не сразу.) Какой ты.

Марат. Какой?

Ли́ка. Совсем как ты. (Помолчала.) Я тоже старая?

Марат. Нет. Но все равно ты прекрасная, (Негромко.) В некотором царстве, в некотором государстве жил старик со своей старухой.

Ли́ка. Молчи. (Шепотом.) Ты же видишь ≈ я плачу.

Марат. Я не знал, что так будет.

Ли́ка. Если бы ты чувствовал, какой это ужас... Нет! Не подходи.

Марат. Я не буду.

Ли́ка. Стой у окна.

Марат. Я и стою. *Молчание.*

Ли́ка. А где ты живешь?

Марат. Далеко.

Ли́ка. Так и надо. (Улыбнулась почему-то.) Мосты строишь...

Марат. Да. (Помолчав.) А приеду в Ленинград≈сюда прихожу.

Ли́ка. Зачем?

Марат. Погляжу на окна и уеду. '

Ли́ка. Все равно ничего не выйдет. Теперь уж все.

Марат. Я знаю.

Ли́ка. Уезжай. Когда идет твой поезд? Скорей уезжай!

Марат. Нельзя.

Ли́ка. Почему?

Ма́рат. Мне очень плохо. И если уж я пришел... все. (Почти грубо.) Я не к тебе... Я к вам обоим пришел. (Негромко.) Вы у меня одни.

Ли́ка (осторожно). И ты не станешь...

Ма́рат. Нет. Все решено. Ты уже тринадцать лет замужем. И я давно женат.

Ли́ка. Ты женат?

Ма́рат. А ты думала. Каждый из нас вытянул свой билет.

Ли́ка. Вот видишь...

Ма́рат. Да. И как мы решили, так оно и будет.

Ли́ка. А Леонидик всегда тебя ругал за то, что ты уехал, и все... Ни разу не написал за все тринадцать лет... А потом он стал говорить, что ты просто нас забыл.

Ма́рат. Ты тоже так считала?

Ли́ка. Никогда. Если бы я так считала, лучше было бы. (Ласково.) А женился зачем?

Ма́рат. Ладно... (Усмехнулся.) Видишь, разучился я врать.

Ли́ка (помолчала). Ты говорил... тебе плохо?

Ма́рат. Я после об этом расскажу. Вот придет Леонидик.

Ли́ка. Ты мне расскажи.

Ма́рат. Нет.

Ли́ка. Расскажи!

Ма́рат (помолчал). Ну, как идут дела?

Ли́ка. Хорошо.

Ма́рат. А на работе?

Ли́ка. Я же говорю - хорошо. Хорошая поликлиника. Хороший район.

Ма́рат. Ты... практикующий врач?

Ли́ка (слозно извиняясь). Вот так.

Ма́рат. Но ведь ты хотела...

Ли́ка (резко). Не случилось. (Спокойно.) Но все хорошо. Получила даже повышение по службе. Неосвобожденная заведующая отделением.

Ма́рат. Неосвобожденная?

Ли́ка. Леонидик тоже смеется.

Ма́рат. А он... как?

Ли́ка. У него все отлично. За эти годы третий сборник стихов выходит. И не ругают его... ни в газетах, ни на собраниях. Квартиру дают... весной переезжаем.

Ма́рат. А эту комнату куда?

Ли́ка. Не знаю... Сдадим!

Ма́рат. И не жалко? *Ли́ка не отвечает.*

(Тихо.) Значит, у Леонидика порядок?

Ли́ка. Он и семинар ведет... преподает понемножку.

Ма́рат (осторожно). Сейчас о поэтах разговора много. У нас тоже молодежь стихи покупает... А о нем как-то нет спора.

Ли́ка. Он за модой не гонится.

Ма́рат. Я ведь купил его книжечку. Тираж небольшой - а в магазине лежат.

Молчание. У некоторых вон тиражи по сто тысяч - а книжки не достанешь.

Ли́ка. Это все... дешевый успех.

Ма́рат. А если книжки на полках пылятся - это какой успех?

Ли́ка (вспыхнула). Ты сам его стихи читал?

Ма́рат. Имело место.

Ли́ка (стараясь погасить волнение). И что же?

Марат. Ошибок нет. Пишет как полагается.

Ли́ка. Он свое лучшее не печатает.

Марат. Понятно.

Ли́ка. Что?

Марат (зло). Все.

Ли́ка (помолчав). Марик... Ты не говори ему, что читал... Ничего не говори.

Марат. Но ведь это... (Тихо.) Это неправда будет.

Ли́ка. Пусть!

Марат (прошелся по комнате, обернулся к Ли́ке, страстно). Как вы живете здесь?! (Опустился на стул, сказал тихо.) Я не понимаю.

Отворилась дверь, вошел Леонидик, увидел Марата.

Леонидик (не в силах; оторвать от него глаз). Евстигнейкин!

Тот же вечер.

Прошел час, как они сели за стол, но ужин все еще продолжается.

Леонидик. ...Спорить не о чем, человек сам себе никогда не виден~что он, кто он, достиг или не достиг... (Налил себе вина.) Только смерть все проясняет, а потому за ее здоровье!

Ли́ка (отняла рюмку у Леонидика, выпила и улыбнулась). А тебе не надо больше. Эта женщина меня преследует, Марат... тринадцать лет она меня преследует! (Засмеялся.) Ангел-хранитель-понимаешь? Все-таки смешно-ты появился час назад, а кажется-и не уезжал никогда! Почему ты молчишь?

Марат (улыбнулся беспомощно). Сам не знаю. (Поглядел на них.) Как странно...

Леонидик. Странно? Что именно?

Марат (сосредоточенно). Не могу забыть один день - первомайский парад в тридцать четвертом... Мне было девять лет, рядом шел отец, в новеньком кителе, он крепко держал мою руку, а на трибуне стоял Киров и улыбался... (Страстно.) Если бы все могло остаться неизменным!

Леонидик. Ты наивный юноша середины тридцатых годов...А мы видели сороковые.

Ли́ка. И, увы, понимали меньше, чем видели, мой бедный Марат.

Марат (запальчиво). Почему ты называешь меня бедным?

Ли́ка. Потому что ты веришь в невозможное.

Марат (недоуменно). Может быть, они просто не вернулись с войны-те, кто думал, как я?.. (Закрыл руками лицо.)

Леонидик (осторожно). Эй!.. Что с тобой?

Марат (поднял голову, внимательно поглядел на них). Как мы живем? Я все время думаю об этом. Мне тридцать пять, тебе тоже... а ей тридцать три... Что сделано?

Ли́ка (не сразу). Ты много выпил.

Марат (резко). Не больше, чем мне нужно! Я не алкоголик, чтобы пить мало.

Ли́ка. Сколько ты их выстроил, своих мостов?

Марат. Шесть.

Ли́ка. Это мало или много по вашему счету?

Марат. Достаточно.

Ли́ка. Вот видишь! И печатают его стихи. А я лечу людей. Все, о чем мы мечтали, осуществилось! (Весело.) Ну? Разве не так?

Марат (поглядел на нее). Я всегда верил тебе. Сейчас нет.

Ли́ка (не сразу). Чего ты от нас хочешь?

Марат. Хотел, чтобы вы помогли мне. (Усмехнулся.) Но я не знал, что вам хуже, чем мне.

Леонидик. В блокаду мы потеряли все. Но мы нашли друг друга... (Резко.) Ты не имел права оставлять нас!

Марат. Не считаешь причины, по которым я сделал это, вескими?

Леонидик. Для обыкновенного человека, пожалуй. Но ты Марат!

Марат. Люблю лесть. Но все же поговорим начистоту.

Ли́ка (весело). Поговорим! У тебя хорошая квартира? Сколько комнат?

Марат (Леонидику). Видишь - она боится.

Ли́ка. Чего я боюсь?

Марат. Правды.

Леонидик. В больших дозах она бывает утомительна, Евстигнейкин. Максимализм почти погубил человечество.

Марат (горячо). А ну, подумаем - когда человеку приходит конец? Когда он понимает вдруг, что в его жизни все ужг решилось и он никогда не станет ничем выше того, что он уже есть. Я не о должности, я о чем-то большем... (Подошел к Леонидику, положил свою руку ему на плечо.) Ты устал жить?

Леонидик (помолчав). А что, вот возьму и скажу правду. Что мне!

Марат. Не строй дурака.

Леонидик (неожиданно). Устал.

Марат. А почему?

Леонидик. Эх, милочка, человек всего больше устает, когда стоит на одном месте.

Марат (Ли́ке). Что ты с ним сделала - отвечай.

Ли́ка (вспыхнула). А ну-ка, предъяви свои права на прокурорский тон, друг любезный.

Марат. Тринадцать лет назад я оставил вас вдвоем в этой комнате... В комнате, где прошло мое детство. (Задыхаясь от волнения) Вот почему я могу спросить тебя любым тоном - любым, поняла?- вы счастливы?

Долгое молчание.

Леонидик. Живем себе. В клинику ходим регулярно, в чинах повышают. (Подошел к Ли́ке.) Детские мечты... Кто им помешал? Леонидик. А результаты неважнец,. Плохо сочиняю - правда?

Марат. Зачем? Сочиняешь аккуратно.

Леонидик. Ты вежливый господин.

Ли́ка. Марат!..

Ма́рат. Ли́ка говорила, лучшие свои стихи не печатаешь?

Леони́дик. Был такой грех.

Ма́рат. А сейчас... пишешь их?

Леони́дик. Разучился. (Усмехнулся.) Он дурачок - стишата попроще печатал, прочие для себя хранил, как бы забавнее слова в них расставить изощрялся. А стихотворство, оно, видишь ли, требует взаимности.

Ма́рат. Давно это понял?

Леони́дик. Понял он это давно - только сам себе не признавался.

Ли́ка. Замолчи! Разве ты не видишь, Марат жаждет нас уверить, что ты прожил свою жизнь зря. (Едко.) В моем присутствии это выглядит не слишком благородно. И потом, для судьбы он, пожалуй, заинтересованное лицо... Не так ли?

Ма́рат. Удар ниже пояса, девочка.

Леони́дик. Итак, Марат - злой разлучник, а мы счастливы, и все идет как по маслу?

Долгое молчание.

Ли́ка. Уже поздно, Марат... Уходи.

Ма́рат подошел к вешалке, надел свою меховую куртку, молча постоял посреди комнаты,

Ма́рат. А может, и верно, не стоило приходить сюда... (Обернул шею шарфом.) Долгая дорога до вашего городка. (Надел свою пыжиковую шапку.) О чем только не вспомнишь. Я и вспомнил. Будь здоров сколько вспомнил... будь здоров. (Дошел до двери, обернулся.) Мосты!.. (С какой-то яростной веселостью.) Лучший род сооружений в мире! Шесть мостов - шесть страничек жизни. Но стала ли хоть одна из них для меня пределом? Вершиной? (Помолчал.) Был у меня дружок, инженер-проектировщик, мы с ним три моста поставили. Уверенный парень. Но ему тоже все недоставало чего-то. И вот поручили ему проектировать мост... Невиданное сооружение!.. Проект проходил трудно; возражателей нашлось - будь здоров. А ведь он и того добился, что меня назначили начальником строительства. (Замолчал и поглядел на них так, словно только что увидел.) Ладно... К чему это? Поздно, верно, Ли́ка? (Подошел к двери и вдруг снял ушанку и обернулся к ним.)

Главным делом жизни могло это стать. Могло!.. А вот не стало. (Резко.) Отступил от дружка. Взял и отступил. Немыслимо - верно? Я - и отступил. (Поспешно.) Уверил себя и прочих, что не готов, не справлюсь, не смогу... (Задумался на мгновение.) А может, и впрямь так было? (Зло.) Так или не так, а на другой объект перебраться мне удалось довольно ловко... А тут и письмо является: «Здравствуй, Марик, здравствуй, потухший вулкан». Точно. Эти два слова он мне и написал. (Заговорил лихорадочно, поспешно.) Сейчас худо ему, бывшему моему дружку, - любители тишайшей жизни сомнительным проект обозвали... (Усмехнулся.) Нет, суть не в том, что он презирает меня, может быть, даже ненавидит... Я сам не примирюсь с собой! (Медленно.) Я уже никогда, наверно, с собой не примирюсь.

Леонидик. Печальная история. (С грустью.) Тебе никогда не приходило в голову, что в нее почти нельзя поверить?

Марат (в отчаянии). Почему?

Леонидик. Видишь ли... она лишена логики.

Марат. (яростно). Полагаешь, что жизнь логична? Напиши об этом стихи. «Вечерка» напечатает их, захлебываясь от счастья! (Резко.) А разве все, что случилось с тобой, - логично?

Ли́ка (ласково). Милый, мы уже не дети, и право витать в небесах предоставим молодому поколению. А наш срок вышел - пора спускаться на землю.

Марат (запальчиво). Не хочу!

Ли́ка. Мы не сверхчеловек и, дружочек.

Марат (страстно). Кто тебе это сказал?!.. Люди здорово задолжали провидению за то, что оно позволило им жить на земле! А ну, подумай, сколько народу померло из того расчета, чтобы мы остались в живых? Вспомни сорок второй, блокадную зиму, все страдания. Сотни тысяч умерли за то, чтобы мы были необыкновенны, одержимы, счастливы. А мы - я, ты, Леонидик?.. Вспомни, какой ты была, что обещала. А где оно - где обещанное? (Тихо.) Ну... Что молчишь?

Ли́ка (очень вдруг просто). Мне страшно.

Марат (подошел к кей, нежно погладил ее волосы.) Наконец-то. (Улыбнулся.) Эх ты, Ли́ка-Ли́ка... Человеку иногда бывает полезно испытать страх за себя. Ведь среди оптимистов полно трусов, девочка. (Подумав.) Нет, теперь я хочу верить вот во что - даже за день до смерти не поздно начать жизнь сначала.

Ли́ка хотела возразить Марату, но нужные слова не пришли на память, и ей всего-навсего удалось улыбнуться - испуганно и растерянно.

(Весело.) А сейчас я попытаюсь быть логичным, Леонидик, чем черт не шутит. Так вот, я бы тебе сказал, Ли́ка... и я тебе скажу. Все. (Подошел к ней очень близко.) Потерял тебя - и все потерял. Даже птицы по утрам не поют... молчат чего-то. Звездное небо куда-то делось - оно пустое теперь, поняла?.. Ни одной звезды! Наступила тишина... темнота. (Помолчав.) Ну вот... Вы так жаждали логики, дурачки... (Обернулся к Ли́ке.) И как теперь все будет - не знаю.

Ли́ка (помолчав, встала и сказала очень твердо). Как было. Только лучше. (Подошла к Леонидику.) Он будет счастлив. Я просто клянусь тебе.

Марат. Прощайте! (Выбежал из комнаты.)

Леонидик. Верни его... верни, Ли́ка!

Ли́ка (вдруг почти побежала к двери, остановилась, из глаз ее текут слезы). Не могу... Не могу.

31 декабря

Праздничный стол был накрыт на двоих, а Ли́ка и Леонидик сидели на диванчике и играли в карты.

Леонидик. Ну все - пробил твой час!

Ли́ка. Не боюсь я тебя.

Леонидик. А я вот так.

Ли́ка. А я вот эдак.

Леонидик (он проиграл). Непостижимо. Опять я дурак.

Ли́ка. Опять. Дурак - в третий раз.

Леонидик. Трижды дурак Советского Союза! Колоссально.

Ли́ка. Просто ты невнимательный.

Леонидик. Невнимательный, незамечательный, неудивительный.

Л и к а. Зато у тебя галстук немыслимой красоты.

Леонидик. Это есть. (Взглянул на часы.)

Ли́ка. Который час?

Леониди́к. До Нового года ≈ сорок минут. Финита. (Подошел к окну.) Ого! Несметные толпы граждан стремятся к новогоднему столу...

Ли́ка (улыбнулась). И сразу вспоминаешь детство.

Леониди́к. А в двенадцать улицы опустеют... (Продекламировал.) И только одинокие прохожие будут изредка попадаться ему навстречу... (Театральным жестом накинул на себя плед, взял палку и, согнувшись, ковыляя, прошелся по комнате) Как в сказке. (Запел, пританцовывая.) Идем за синей птицей... Идем за синей птицей мы длинной вереницей... (Засмеялся и вдруг, замолчал.)

Ли́ка (не сразу) О чем задумался?

Леониди́к (неожиданно). О Марате!

Ли́ка. Да, он один сейчас. (Помолчала.) И до него девять тысяч километров. (Усмехнулась.) Уехал три недели назад - и все.

Леониди́к. Он прелесть.

Ли́ка. Не надо.

Леониди́к. Эх-ма, сыграем еще. (Весело.) Может, отыграюсь?

Л и к а. Ты сегодня такой какой-то...

Леониди́к. Черт возьми - они приближаются.

Ли́ка. Кто?

Леониди́к (состроил рожу). Шестидесятые годы.

Л и к а. Вот глупистик. (Поцеловала его в затылок.)

Леониди́к (тихо). Не надо.

Ли́ка (неуверенно). Ты сегодня симпатичненький.

Леониди́к. Вот это верно.

Ли́ка. Дурачишься весь вечер. (Осторожно.) Тебе будет скучно... встречать Новый год вдвоем.

Леонидик (запел). Ему не будет скучно... (Вскочил с диванчика, подошел к столу.) А салат я приготовил все-таки гигантский. Ах, зачем я не повар! Пропала жизнь.

Ли́ка. Почему ты все время смотришь на часы?

Звонок.

Леонидик. Ну вот и все. Отворяйтесь, двери!

(Ли́ка растерянно поглядела на него.)

Вот и все. Финита.

(В дверь постучали.) *Открылась дверь, на пороге Марат, весь в снегу, в своей меховой куртке.*

Ли́ка (в страхе и надежде). Ты?

Марат. Как видишь.

Леонидик. Я так боялся... (Ударил его по плечу.) Ты безотказный.

Марат. Я отзывчивый.

Леонидик. Ты Марат - друг народа.

Марат (смял свою куртку). Как ты узнал мой адрес?

Леонидик (значительно постукал себя пальцем по лбу). Понимаешь? Но я боялся, что самолет запоздает. Теперь я спокоен.

Ли́ка. Что ты затеял?.. Говори.

Леонидик. А я ведь кое-что купил тебе, Ли́ка. Сюрприз в некотором роде. Он хранится у соседей. Но час настал... Я принесу его. (Уходит.)

Ли́ка (подошла к Марату и сказала, медленно растягивая слова). А я думала, что уже никогда не увижу тебя.

Марат. Я тоже. (Неловко погладил ее руки.)

Ли́ка. Какая у тебя рука холодная.

Марат. С аэропорта было трудно добираться. Новый год - все такси заняты. (Прижался щекой к ее руке.)

Ли́ка (тихо). А ты уверен, что тебе следовало здесь появляться?

Ма́рат. Не совсем, девочка. (Вынул телеграмму.) Эту телеграмму я получил вчера.

Ли́ка (прочла). «Немедленно вылетай, ты нужен Лике. Помни, не позднее тридцать первого. Леонидик». (Взглянула на Марата.) Я ничего не знала.

Ма́рат (вспыхнул). Думаешь, это было просто - бросить все и прилететь сюда? (Подошел к столу, запихнул себе что-то в рот.)

Ли́ка (беспомощно). Почему ты ешь руками?

Ма́рат. Потому что я голоден!

Ли́ка (чуть улыбнулась). Не шуми. (Помолчала.) Ты устал, бедный...

Ма́рат. Наверно. (Поглядел на нее.) Странный сон приснился мне сегодня... Я стою на огромном мосту, он не достроен - поняла? - а я должен закончить дело. А вокруг отчаянный ветер... Я оглядываюсь по сторонам и вижу оба берега; на одном мое детство - первомайские парады, линкор «Ма́рат» и отец со своими друзьями... а на другом - мир после войны, новая жизнь... А я стою на недостроенном мосту, волны все сильнее, все выше,- и я не могу, не могу соединить берега...

Ли́ка (тихо). Будь что будет... (С изумлением.) Будь что будет!

Ма́рат. О чем ты?

Вернулся Леонида к, в руках какой-то пакет.

Леонидик (приложил палец к губам). Тсс... (Подошел к столу, взял бутылку.) А теперь я налью себе вина... Нет, не протестуй, Ли́ка!.. И выпью. (Поднял рюмку.) За мое здоровье. (Выпил.) Ничего себе. Даже мило. (Развернул пакет - в нем оказались цветы.) Эти цветы - тебе. Хорошо, что мне их все-таки удалось достать. Я очень рад этому.

Ли́ка. Спасибо, но...

Леонидик. Что я могу сказать... Мы тринадцать лет вместе, но я люблю тебя, как в первый день, Ли́ка. Но так люблю, как умею я. Хотя дело, вероятно, не в этом. Просто я не оправдал твоих надежд. Ты столько вложила в меня, даже о себе забыла, и все-таки... все было напрасно.

Ли́ка. Поверить в это... мне?

Леонидик. Я должен остаться один. Если не сегодня, то уже никогда. Не позволяй мне быть слабым. Лика.

Лика. Нет!.. (Отчаянно.) Почему ты молчишь. Марат?.. Скажи ему...

Марат (не сразу). Не скажу.

Леонидик. Поезд уходит в ноль пятьдесят. Некая привлекательная, привлекательная командировка. (Помолчав.) Просто я эгоист и понял - надо остаться одному. (Лике.) Уйти от твоих забот, от твоей опеки... (Марату.) А тебе они не страшны. Ты их сильнее. (Чуть улыбнулся.) Все равно вам не жить друг без друга,- я-то знаю. (Марату.) Говори и не лги, я прав?
Марат не ответил. Не трусь, ну?

Марат. Да.

Леонидик (нежно). А ты что молчишь... Лика?

Лика. Прощай.

Леонидик. Вы молодцы. Все поняли. Я знал это. (Марату.)Помнишь, как ты сказал: «Даже за день до смерти не поздно начать жизнь сначала». Конечно, это перебор... Но почему-то он произвел на меня впечатление.

Бьют часы.

Марат. Двенадцать...

Леонидик (улыбнулся). Двенадцать. Новый год...

Они молча подошли к столу, и Лика налила им вина.

(Поднял рюмку и тихо сказал.) Никогда не изменять нашей зиме сорок второго... да?

Марат (поднял рюмку и сказал, сжав зубы). И не спускаться на землю... Никогда. (Лике.) Обещаешь?

Лика (подняла рюмку и сказала очень быстро, почти шепотом). Обещаю... вам обоим. И то, что не удалось маме... все исполнить.

Некоторое время они молчали.

Леонидик. Ну вот... Пора в дорогу. Чемодан он уложил днем, человек предусмотрительный. Вернется, позовет на новоселье... Ведь мы будем встречаться, верно?

Марат. Хочешь сказать, что ты не такой трус, как я?

Леонидик. Отчасти. (Лике.) Может быть, потому что люблю тебя меньше, чем Марат. (Поцеловал ее руку.) Кто знает. (Пошел к двери, остановился у стола.) Только не забудьте - частичка меня сегодня еще будет здесь, в этой комнате. Нет, не торопитесь... дайте мне уйти от вас подальше. (Взял вилку, попробовал салат.) Ничего себе. (Налил вина, выпил.) Это рюмка, кажется, была последней в его жизни. (Улыбнулся Лике.) От тебя я отказался - откажусь и от нее... Подумаешь! (Поглядел на них.) До встречи! (Ушел.)

Лика оглядела сервированный стол, как-то странно улыбнулась. Марат дрожащими руками зажег спичку, закурил сигарету, опустился на стул.

Марат (неровным голосом). Первого мая в сорок пятом мы пробрались во двор игрушечной фабрики... Это было в Бреславле. И тут нас накрыли минометы. Знаешь... нас было семеро, а живой я остался один.

Лика (тихо). Господи.. Зачем ты рассказываешь мне это?

Марат. Смешно подумать, ведь я мог умереть... (Сжал ее руки.) И эта минута - вот эта - ее так бы и не было.

Лика. Марат..

Марат. Что?

Лика (тихо). Он один сейчас... там, на улице.

Марат. Нет, только не жалеть его... Слышишь? (Страстно.) Ты снова должна верить в него, Лика. (Не сразу.) А разве нам с тобой будет просто жить... Вдвоем... без него...

Он замолчал, ему стало немного страшно, и Лика поняла это.

Лика. Но может быть... (Негромко.) Ты только не бойся, не бойся быть счастливым... Не бойся, мой бедный Марат!..

Конец 1964 (редакция 1980 г.)